Артемис Фаул. Затерянный мир

Автор:
Йон Колфер

Артемис Фаул. Затерянный мир

Йон Колфер

Вселенная Артемиса Фаула #5

Демоны – это восьмая ветвь волшебного народца. Надо сказать, очень необычные создания. Выходцы с Луны, они живут на острове, который десять тысяч лет назад с помощью очень сильной магии был выведен за пределы реального времени. На Земле о демонах уже и думать забыли, а тут нежданно-негаданно один из них объявляется посреди Барселоны и пытается уволочь Артемиса Фаула в другое измерение. Правда, и Артемис не совсем случайно оказался на месте материализации демона. Очень уж скучно зубрить геометрию после того, как спасешь мир. Поэтому юный гений начал понемножку изучать проблему демонов и пришел к выводу, что вскоре их остров со всеми обитателями будет выброшен в наше измерение. Волшебному народцу такое светопреставление точно ни к чему, и Артемис полон решимости помочь старым друзьям с Нижних Уровней. Однако, как выяснилось, он не единственный вершок, интересующийся демонами. В кои веки ему встретилась достойная соперница…

Йон Колфер

Артемис Фаул

Затерянный мир

Eoin Colfer

ARTEMIS FOWL & THE LOST COLONY

Copyright © 2006 by Eoin Colfer

All rights reserved

© Н. Берденников, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Баджеру.

Человеку. Легенде

Глава 1

Скачок в прошлое

Барселона, Испания

Большинство из тех, кому доводилось столкнуться с телохранителем Артемиса Фаула, не назвали бы этого человека довольным жизнью. Слова «веселый» и «счастливый» тоже редко подходили к нему или к находившимся в непосредственной близости от него людям. Дворецки стал одним из самых опасных людей в мире не потому, что умел поддерживать непринужденную беседу с каждым встречным – если, конечно, не считать вопросов о путях отхода или припрятанном под одеждой оружии.

Сейчас Артемис Фаул и Дворецки находились в Испании, и никогда не отличавшийся жизнерадостностью телохранитель хмурился больше обычного. Его молодой хозяин, как всегда, делал все, чтобы усложнить Дворецки выполнение его профессиональных обязанностей. По настоянию Артемиса они уже целый час торчали на тротуаре проспекта Грации в Барселоне, и только несколько чахлых деревьев защищали их от палящего полуденного солнца и потенциальных недоброжелателей.

Это была уже четвертая поездка за границу за последние четыре месяца. Сначала Эдинбург, потом долина Смерти на Диком Западе, за которой последовало крайне рискованное и трудное путешествие в самое сердце Евразии – в Узбекистан. А теперь вот Барселона. И все ради встречи с таинственным «гостем», который до сих пор еще ни разу не показался.

Прохожие на многолюдном проспекте Грации невольно задерживали взгляд на странной парочке: огромный бритоголовый громила лет сорока в костюме от Хьюго Босса и худощавый подросток, бледный, с волосами цвета воронова крыла и большими иссиня-черными глазами.

– Дворецки, почему ты все время ходишь кругами? – раздраженно спросил Артемис.

Он отлично знал почему, однако тот, кого они ждали, по расчетам Артемиса, опаздывал уже как минимум на минуту, и Артемис позволил своей досаде выплеснуться на ни в чем не повинного телохранителя.

– Ты отлично знаешь почему, Артемис, – ответил Дворецки. – А если на какой-нибудь крыше притаился снайпер или специалист по подслушиванию? Я хожу кругами, чтобы обеспечить максимальную защиту.

Артемис испытал неодолимое искушение продемонстрировать свои блестящие умственные способности. Он часто испытывал такое искушение и легко поддавался ему. Причем эти демонстрации доставляли четырнадцатилетнему ирландцу ровно такое же удовольствие, какую досаду испытывали те, кто был вынужден их наблюдать.

– Во-первых, маловероятно, что за мной охотится снайпер, – сказал Артемис. – Я ликвидировал порядка восьмидесяти процентов моих незаконных предприятий и поместил капитал в исключительно доходные ценные бумаги. Во-вторых, любой специалист по подслушиванию останется несолоно хлебавши, потому что третья пуговица на твоем пиджаке излучает солиниевые импульсы, которые уничтожают записи любых систем наблюдения, кто бы их ни установил, люди или волшебный народец.

Дворецки бросил взгляд на проходившую мимо молодую пару, для которой существовали только Испания и первая любовь. У юноши на шее висела видеокамера. Телохранитель виновато коснулся третьей пуговицы на своем пиджаке.

– Вероятно, мы испортили видеозапись медового месяца, – заметил он.

Артемис пожал плечами.

– Не слишком высокая цена за неприкосновенность моей личной жизни.

– А «в-третьих» есть? – с невинным видом спросил Дворецки.

– Да, – довольно резко ответил Артемис. Тот, кого он с таким нетерпением ждал, все не появлялся, и раздражение ирландца усиливалось. – Я как раз хотел сказать, что если бы здесь и был снайпер, то он выбрал бы здание, находящееся у меня за спиной. Поэтому тебе следовало бы находиться сзади.

Дворецки, несомненно, был самым лучшим телохранителем в мире, но даже он не мог со стопроцентной точностью определить, какое именно здание выберет снайпер.

– Продолжай, – сказал он. – Почему ты так уверен в этом? Вижу, тебе не терпится поделиться со мной своими соображениями.

– Что ж, если ты настаиваешь… Ни один снайпер не выбрал бы позицию на крыше дома «Каса Мила» на противоположной стороне улицы, потому что там проводят экскурсии и видеокамеры зафиксировали бы, как он выходит на крышу и возвращается обратно.

– Он или она, – уточнил педантичный Дворецки. – В наше время наемными убийцами работают в основном женщины.

– Он или она, – согласился Артемис. – Два здания справа были бы удобны для стрельбы, но там стрельбе помешала бы листва деревьев. А зачем снайперу создавать себе лишние трудности?

– Очень хорошо. Продолжай.

– Слева от нас находится несколько зданий, в которых расположены финансовые конторы. На их окнах видны наклейки частной охранной фирмы. Любой профессионал предпочтет избежать стрельбы, за которую ему не заплатили.

Дворецки кивнул. Все верно.

– Поэтому я пришел к заключению, что твой гипотетический снайпер предпочел бы занять позицию на крыше четырехэтажного здания за моей спиной. Это жилой дом, поэтому проникнуть в него не составит труда. С крыши для него или для нее открывается хороший сектор обстрела, а охрана здания, вероятно, удручающе малоэффективна или вовсе отсутствует.

Дворецки хмыкнул. Вероятно, Артемис был прав. Жаль только, что словечко «вероятно» по надежности никак не может сравниться, скажем, с кевларовым бронежилетом.

– Вероятно, ты прав, – сказал телохранитель. – Но только в том случае, если снайпер столь же умен, как и ты.

– Правильно, – согласился Артемис.

– Кроме того, я не сомневаюсь в том, что ты можешь привести убедительные аргументы в пользу любого из окружающих зданий, а это выбрал только затем, чтобы я не закрывал тебе обзор. Из чего я делаю вывод, что тот, кого ты с таким нетерпением ждешь, должен появиться со стороны «Каса Мила».

Артемис улыбнулся.

– Браво, старина.

«Каса Мила», жилой дом в стиле модерн, был построен в начале двадцатого века архитектором Антонио Гауди. Фасад здания представлял собой причудливо изогнутые стены и балконы с витыми коваными перилами. На тротуаре перед входом выстроились в очередь туристы, жаждущие попасть на экскурсию.

– Как мы узнаем твоего гостя в такой толпе? Ты уверен, что он еще не появился? Может быть, он наблюдает за нами, не обнаруживая себя?

Артемис улыбнулся, его глаза лукаво сверкнули.

– Поверь, его здесь нет. Если бы он появился, мы бы услышали жуткие крики.

Дворецки нахмурился. Как ему хотелось хотя бы раз, один-единственный раз, прежде чем сесть в самолет, получить полную информацию о предстоящей поездке! Но Артемис никогда не говорил всего. Гениальный ирландец обожал посвящать телохранителя в свои планы по маленькому кусочку, заставляя его разгадывать свои замыслы. Эта интеллектуальная игра была для него не менее важна, чем собственно цель предприятия.

– По крайней мере, скажи, будет ли он вооружен, – попросил Дворецки.

– Сомневаюсь, – обронил Артемис. – Впрочем, это не имеет значения, потому что контакт будет длиться не больше секунды.

– Секунды? Твой «гость» что, на мгновение появится из другого измерения пространства?

Не из пространства, старина. – Артемис взглянул на часы. – Из другого времени. – Юноша вздохнул. – Как бы то ни было, время вышло. Судя по всему, мы зря сюда прилетели. Наш друг не материализовался. Впрочем, шансы были невелики. Очевидно, на противоположном конце разлома никого не оказалось.

Дворецки не понял, какой разлом имел в виду Артемис, но вздохнул с облегчением, узнав, что теперь наконец можно покинуть это весьма небезопасное место. Чем скорее они вернутся в аэропорт Барселоны, тем лучше.

Телохранитель достал из кармана мобильный телефон и нажал кнопку быстрого набора. Ответ раздался после первого гудка.

– Мария, – сказал Дворецки. – Забери нас, pronto.

– Si, – коротко ответила Мария.

Она работала в эксклюзивном агентстве, предоставляющем напрокат лимузины с шофером. Будучи исключительно красивой девушкой, она к тому же обладала редкой для прекрасного пола способностью проломить лбом шлакобетонный блок.

– Ты говорил с Марией? – спросил Артемис, мастерски сделав вид, что ответ ему не очень-то и интересен.

Дворецки ему обмануть не удалось. Артемис Фаул никогда ничего не спрашивал просто так.

– Да, с Марией. Догадаться об этом было несложно, я ведь назвал ее по имени. Кстати, обычно ты не задаешь так много вопросов о водителях лимузинов. А о ней спросил в четвертый раз за последние пятнадцать минут: «За нами приедет Мария? Как по-твоему, где сейчас Мария? Как ты думаешь, сколько Марии лет?»

Артемис потер виски.

– Всему виной проклятое половое созревание. Стоит мне увидеть красивую девушку, я начинаю думать только о ней. Например, вон та девушка в ресторане. Я посмотрел на нее не меньше дюжины раз за последние несколько

минут.

Телохранитель окинул упомянутый объект профессионально цепким оценивающим взглядом.

Это была не девушка, а скорее девочка, лет двенадцати-тринадцати, с копной светлых вьющихся волос. Судя по всему, не вооружена. Она задумчиво изучала меню острых закусок, а сидевший рядом мужчина, возможно отец, читал газету. Еще один мужчина, сидевший за их столиком, безуспешно пытался спрятать под стулом костыли. Дворецки пришел к выводу, что данная особа не представляет явной угрозы безопасности его хозяина, хотя косвенно может помешать осуществлению планов Артемиса, не дав ему сосредоточиться.

Дворецки похлопал молодого ирландца по плечу.

– Красивые девушки не могут не отвлекать. Это естественно. Если бы последние несколько лет ты не был так занят, спасая мир, то уже давно начал бы отвлекаться на них.

– Тем не менее, Дворецки, я должен научиться держать себя в руках. У меня много важных дел.

– Держать себя в руках в переходном возрасте? – Телохранитель фыркнул. – Ты будешь первым, если тебе это удастся.

– Я часто бываю первым, – заметил Артемис.

Это соответствовало истине. Ни одному подростку до него не удавалось похитить эльфийку, спасти отца из лап русской мафии и оказать помощь в подавлении мятежа гоблинов – и все это в нежном возрасте, то есть до достижения четырнадцати лет.

Дважды прогудел клаксон. На противоположном углу остановился лимузин, молодая женщина, сидевшая за рулем, помахала рукой.

– О Мария! – воскликнул Артемис, но тут же взял себя в руки. – Я хотел сказать, что нам пора. Может быть, нам больше повезет в другом месте.

Дворецки двинулся через улицу первым, остановив машины властным взмахом огромной ладони.

– Может быть, возьмем Марию с собой? – предложил он. – Если у нас будет постоянный шофер, это во многом облегчит нам жизнь.

Артемис не сразу понял, что над ним подшучивают.

– Очень смешно, Дворецки. Неужели ты пытался иронизировать?

– Да.

– Я так и подумал, хотя мне нечасто доводилось сталкиваться с проявлением юмора. Если не считать шуток Мульча Рытвинга.

Мульч Рытвинг был гномом-клептоманом, которому случалось воровать ценные вещи как у Артемиса, так и для него. Рытвинг считал, что обладает отменным чувством юмора, однако все его шуточки касались исключительно особенностей гномьего пищеварения.

– Если их можно считать проявлениями юмора. – Дворецки невольно улыбнулся, вспомнив «благоухающего» гнома.

Они как раз пересекли улицу до середины, как вдруг Артемис остановился как вкопанный.

Дворецки сердито посмотрел на три полосы движения, на которых триста водителей нетерпеливо жали на клаксоны.

– Я что-то чувствую, – прошептал Артемис. – Электричество…

– А ты не мог бы чувствовать это на тротуаре? – спросил Дворецки.

Артемис развел руки в стороны. Ладони покалывало.

– Он все-таки появился, правда на несколько метров в стороне. Видимо, какая-то постоянная величина оказалась немного переменной…

Прямо перед ними в воздухе замерцал неясный силуэт. Взметнулся сноп искр, запахло серой. Спустя мгновение на месте вспышки материализовалось серо-зеленое чешуйчатое существо с золотистыми глазами и огромными остроконечными ушами. Явившееся из ниоткуда прямо на проезжей части чудовище выпрямилось во весь свой полутораметровый рост. Оно отдаленно напоминало человека. Очень отдаленно. Втянув узкими ноздрями воздух, оно открыло змеиную пасть и заговорило.

– Поздравления леди Хизерингтон Смит, – произнесло существо голосом, напоминавшим скрежет железа по стеклу, и схватило Артемиса за руку.

Пальцев у чудовища было четыре.

– Интересно… – обронил юноша.

А вот Дворецки существо было совершенно не интересно. Его интересовало только то, как бы вырвать Артемиса из лап пришельца.

– Пошли, – сказал он, положив руку хозяину на плечо.

Но Артемис уже пропал. Таинственный гость исчез так же внезапно, как появился, прихватив с собой юношу. Инцидент, несомненно, должен был попасть в вечерние новости, но вот незадача: несмотря на то что сотни туристов с фотоаппаратами и видеокамерами пытались заснять загадочное происшествие, ни одной записи и ни одного снимка почему-то не сохранилось.

Существо выглядело иллюзорным, словно не могло закрепиться в этом мире. Оно сжимало ладонь Артемиса мягко, но в то же время сильно, будто его рука была обтянута толстым слоем губчатой резины. Артемис замер как зачарованный, даже не пытаясь высвободиться.

– Леди Хизерингтон Смит? – повторило существо, и Артемис догадался, что оно испугано. – Ее ли поместье лицезрю я?

«Построение фраз и лексика довольно устаревшие, – машинально отметил ирландец. – И все же это английский язык. Как мог вырвавшийся из заточения демон научиться говорить по-английски?»

Воздух вокруг существа гудел, словно трансформаторная будка, оно было окружено ореолом ослепительно белых электрических разрядов, пробивающих дыры в ткани пространства.

Разрыв пространственно-временного континуума. Дыра во времени.

Однако Артемиса поразило не это, – в конце концов, однажды полиция Нижних Уровней на его глазах остановила время, взяв в осаду родовое поместье Фаулов. Причиной его оцепенения было другое: он знал, что, вполне вероятно, исчезнет вместе с этим существом и тогда его шансы на возвращение в родное измерение будут ничтожно малы, а шансы на возвращение в собственную эпоху – и того меньше.

Он хотел позвать Дворецки, но было поздно – если только слово «поздно» имеет смысл в мире, где не существует времени. Разрыв расширился, поглотив Артемиса вместе с демоном. Архитектура и население Барселоны медленно растаяли, уступив место сначала лиловому туману, потом россыпи звезд. Артемиса охватил лихорадочный жар, затем страшный холод. Он был уверен в том, что если бы проходил все стадии путешествия в полностью материальном воплощении, то его тело обратилось бы в пепел, пепел смерзся бы в глыбу льда, а лед растаял бы и прах развеялся по ветру.

Мир вокруг менялся мгновенно, а может быть, каждая метаморфоза занимала годы – бог его знает. Звезды исчезли, и над головами Артемиса и его спутника сомкнулись океанские воды. Диковинные обитатели морских глубин сновали вокруг, рассекая воду светящимися щупальцами. Океан сменился бескрайними ледяными полями, поля – красной равниной, где воздух был насыщен мельчайшей пылью. Наконец они снова очутились в Барселоне, но – совсем не в той Барселоне, которую покинули. Город стал моложе.

Демон взвыл и заскрипел зубами, уже не пытаясь говорить по-английски. К счастью, Артемис был одним из двух человек во Вселенной (считая все измерения и эпохи), владевших гномьим языком, языком волшебного народца.

– Успокойся, приятель, – сказал он. – Наша судьба решена. Наслаждайся прекрасным видом.

Демон мгновенно перестал выть и даже выпустил руку Артемиса.

– Говоришь ты на волшебном языке?

– На гномьем, – поправил его Артемис. – И, должен заметить, лучше тебя.

Демон вытаращился на Артемиса, будто на какое-то фантастическое существо. Каковым он, естественно, и являлся, с точки зрения демона. Артемис, в свою очередь, посвятил эти минуты, которые вполне могли оказаться последними в жизни, наслаждению незабываемым зрелищем. Они материализовались рядом со строящимся домом «Каса Мила». По строительным лесам сновали рабочие, а какой-то смуглый бородач, стоявший всего в нескольких шагах от Артемиса, хмуро рассматривал архитектурные чертежи.

Артемис улыбнулся, узнав бородача. Это был Гауди собственной персоной. Поразительно.

Видно стало лучше, цвета сделались более яркими. Артемис втянул носом сухой испанский воздух, насыщенный запахами пота и красок.

– Прошу прощения, – произнес он по-испански.

Гауди поднял взгляд от чертежей, и его сосредоточенно-хмурый вид сменился выражением глубочайшего изумления: еще бы, прямо из воздуха перед ним возник юноша, подле которого припал к земле демон. Гениальный архитектор рассмотрел живую картину в мельчайших подробностях и навечно сохранил ее в памяти.

– Si? – неуверенно произнес он.

Артемис показал на крышу здания.

– Вы планируете разместить мозаичные панно на самом верху. Может быть, передумаете? Весьма неоригинально.

И юноша и демон исчезли.

Когда из дыры во времени появился демон, Дворецки не стал впадать в панику. Его учили не паниковать ни в каких, даже самых экстремальных ситуациях. К сожалению, никто из присутствовавших при загадочном происшествии, кроме него, не обучался в академии мадам Ко, поэтому люди вокруг мгновенно впали в панику и принялись истошно голосить. Все, за исключением белокурой девочки и ее спутников.

Когда появился демон, прохожие на улицах оцепенели. Когда чудовище исчезло, они мгновенно очнулись. Пронзительные крики сотрясали воздух. Пытаясь спастись бегством, одни водители выскакивали из своих автомобилей, другие въезжали на них в витрины магазинов. Люди со всех ног бежали прочь от точки материализации, словно их отталкивала невидимая сила. Опять-таки все, кроме девочки и ее спутников – эти, напротив, стали поспешно проталкиваться к месту, где еще недавно стоял демон. Владелец костылей при этом демонстрировал поразительную для хромого человека прыть.

Дворецки, не обращая внимания на воцарившийся хаос, сосредоточился на своей правой руке. Прежде чем Артемис скрылся в другом измерении, телохранитель успел схватить его за плечо, и теперь рука Дворецки тоже постепенно растворялась в пространстве, словно ею овладевал вирус исчезновения. Евразиец не сопротивлялся. Он собирался последовать за хозяином. Он все еще чувствовал пальцами костлявое плечо юноши.

Дворецки предполагал, что вся его рука исчезнет, однако он ошибся. Исчезла только кисть, в ней возникло странное покалывание. И он по-прежнему держал Артемиса.

– Врешь, не уйдешь, – прохрипел телохранитель, сжимая невидимые пальцы. – Слишком многое мне пришлось пережить за последние годы, чтобы я позволил тебе исчезнуть.

И Дворецки, протянув руку сквозь пропасть времени, выдернул своего молодого хозяина из прошлого.

Сделать это было отнюдь не просто. Казалось, он волок огромный валун через море грязи, но Дворецки не принадлежал к числу людей, которые легко сдаются. Он широко расставил ноги и напряг мышцы спины. Артемис вылетел из двадцатого века и растянулся на тротуаре в двадцать первом.

– Я вернулся, – сказал юноша, словно сообщал о возвращении с ежедневной прогулки. – Довольно неожиданно, должен заметить.

Дворецки помог хозяину подняться на ноги и произвел беглый осмотр.

– Все на месте, ничего не сломано… – констатировал он. – Скажи, сколько будет двадцать семь умножить на восемнадцать и пять десятых?

Артемис одернул пиджак.

– Хочешь проверить мои умственные способности? Разумно. Вполне вероятно, что путешествия во времени могут оказывать негативное воздействие на мозг.

– Просто ответь на вопрос! – гнул свое Дворецки.

– Четыреста девяносто девять и пять десятых, если ты так настаиваешь.

– Поверю на слово. – Гигант-телохранитель наклонил голову и прислушался. – Сирены. Артемис, нам необходимо покинуть этот район, прежде чем меня вынудят устроить международный скандал.

Он перевел Артемиса на другую сторону дороги к единственной стоявшей с включенным двигателем машине. Мария выглядела несколько бледной, однако своих клиентов она не бросила.

– Молодец, – похвалил ее Дворецки, открывая заднюю дверь. – В аэропорт. И постарайся не выезжать на автострады, если это возможно.

Дворецки и Артемис едва успели пристегнутся, как Мария рванула с места, оставив на асфальте черные следы жженой резины, и помчалась по городу, не обращая внимания на светофоры. Светловолосая девушка и ее спутники остались на тротуаре.

Мария посмотрела на Артемиса в зеркало заднего вида.

– Что там произошло?

– Никаких вопросов, – отрезал Дворецки. – Смотри на дорогу и рули.

Сам он не собирался ничего спрашивать. Когда Артемис посчитает нужным, он сам расскажет о странном существе и сияющем разломе.

Артемис молчал до тех пор, пока лимузин не свернул на Лас-Рамблас и принялся петлять в лабиринте узких улочек старого города.

– Как я здесь оказался? – наконец нарушил молчание ирландец. Он не спрашивал, просто размышлял вслух. – Нас обоих должно было затянуть туда… точнее, в то время. Что удержало нас здесь и сейчас? – Он посмотрел на Дворецки. – На тебе есть что-нибудь серебряное?

Телохранитель смущенно улыбнулся.

– Ты знаешь, я обычно не ношу украшений, только это. – Он поддернул манжету. На его запястье был кожаный браслет с серебряным самородком по центру. – Джульетта прислала из Мексики. Он отгоняет злых духов. Взяла с меня обещание носить постоянно.

Артемис широко улыбнулся.

– Так вот в чем дело! Джульетта. Она удержала нас. – Он постучал пальцем по серебряному самородку на запястье Дворецки. – Позвони сестре. Она нас спасла.

Когда Артемис стучал по запястью телохранителя, он обратил внимание на свои пальцы. Это были его пальцы, сомневаться не приходилось. Но они стали другими. Он не сразу понял, что именно с ними произошло.

Разумеется, прежде чем решиться на такой риск, Артемис произвел некоторые вычисления, чтобы оценить вероятность воздействия путешествий во времени на человеческое тело. Он пришел к выводу, что определенная опасность

существует: гипотетически телу может быть нанесен ущерб. Как при многократном копировании компьютерной программы в нее вкрадываются ошибки, так и при перемещении во времени информационные потоки могут потеряться в эфире.

Насколько мог определить Артемис, все осталось при нем, однако указательный палец на его левой руке стал длиннее среднего. Вернее, указательный со средним поменялись местами.

Он пошевелил пальцами, прислушиваясь к своим ощущениям. Пальцы слушались.

– Гм, – произнес Артемис Фаул. – Я уникален.

Дворецки фыркнул.

– Это ты мне говоришь?

Глава 2

Штука фарт

Гавань, Нижние Уровни

Карьера Элфи Малой на поприще частного сыска складывалась не так успешно, как она надеялась. Объяснялось это в основном тем, что по самому популярному каналу Нижних Уровней в течение последних нескольких месяцев показали не одну, а целых две посвященные ей передачи. Очень сложно вести тайное

расследование, если твое лицо постоянно появляется на экранах кабельного телевидения во время повторных показов.

– Пластическая операция? – предложил голос у нее в голове.

Если вы подумали, что у Элфи помутился рассудок, то напрасно. Голос принадлежал ее партнеру, Мульчу Рытвингу, и раздавался из почти невидимого переговорного устройства, спрятанного в ухе. Микрофон представлял собой крошечную таблетку телесного цвета и крепился на горле при помощи клея.

– Что? – переспросила Элфи.

– Я смотрю на плакат с твоим прелестным личиком и думаю, что тебе нужно сделать пластическую операцию, если, конечно, мы собираемся развивать свой бизнес. И я имею в виду настоящие дела, а не поиски отпущенных под залог. Трудно представить более унизительное занятие.

Элфи вздохнула. Ее партнер-гном был прав. Даже некоторые преступники пользовались большим уважением, чем детективы, зарабатывающие себе на жизнь ловлей беглых подозреваемых.

– Несколько имплантатов, изменение формы носа, и тебя не узнают даже самые близкие друзья, – гнул свое Мульч Рытвинг. – Все равно тебя трудно назвать королевой красоты.

– Забудь об этом, – отрезала Элфи.

Ее вполне устраивало собственное лицо. Оно напоминало ей о матери.

– А как насчет красящего аэрозоля для кожи? Ты могла бы стать зеленой и выдавать себя за спрайта.

– Мульч, ты на месте? – оборвала его Элфи.

– Да, – последовал ответ гнома. – Пикси пока не видно?

– Нет, пока не видно, но он скоро должен появиться. Поэтому прекрати болтать и приготовься действовать.

– Эй, мы теперь партнеры. Я не преступник, а ты – не офицер полиции. Я не обязан выполнять твои приказы.

– Приготовься, пожалуйста.

– Нет проблем! Мульч Рытвинг, презренный охотник за беглыми подозреваемыми, связь закончил.

Элфи вздохнула. Ей часто не хватало дисциплины Разведывательного Корпуса Особого Назначения Легиона Подземной Полиции. В ЛеППРКОНе приказы всегда выполнялись. Впрочем, следовало признать, она сама не раз имела крупные неприятности как раз из-за того, что отказывалась подчиняться приказу. Ее не вышибли из Корпуса лишь потому, что она успешно расследовала пару громких дел и задержала нескольких особо опасных преступников. И конечно, благодаря ее наставнику, майору Джулиусу Круту.

Сердце Элфи сжалось при воспоминании о гибели Джулиуса. Иногда она по нескольку часов кряду думала о нем как о живом, а потом вспоминала и каждый раз заново переживала его гибель, как в тот роковой день.

Она уволилась из полиции, потому что новый шеф, назначенный на место Джулиуса, попытался повесить на нее убийство майора. Элфи решила, что принесет больше пользы волшебному народцу, находясь вне системы. Сейчас ей начинало казаться, что она сильно ошибалась. Будучи капитаном ЛеППРКОНа, она участвовала в подавлении мятежа гоблинов, предотвратила утечку информации о существовании Нижних Уровней к людям и помогла вернуть украденную технологию волшебного народца. А теперь Элфи выслеживала жалкого контрабандиста-пикси, отпущенного под залог и рванувшего в бега. Вряд ли этим она приносила большую пользу своему народцу.

– А как насчет удлинения голеней? – прервал ее грустные раздумья Мульч. – Несколько часов – и ты уже верзила.

Элфи улыбнулась. Партнер часто раздражал ее, зато всегда мог поднять настроение. Кроме того, гномы от природы наделены некоторыми

способностями, которые весьма полезны в ремесле частного сыска. До недавнего времени Мульч использовал эти способности для того, чтобы проникать в чужие дома или сбегать из заключения, однако теперь вернулся к честной жизни. По крайней мере, поклялся, что вернулся. К несчастью, любому подземному жителю известно, что клятва, данная гномом не гному, значит ничуть не больше рукопожатия послюнявленной ладонью, каким скрепляют сделки.

– Может быть, тебе не помешает операция по наращиванию мозгов? – парировала Элфи.

Мульч фыркнул.

– Гениально. Обязательно запишу в свою книгу остроумных ответов.

Элфи попыталась придумать по-настоящему остроумный ответ на это замечание, но тут у двери гостиницы появился разыскиваемый ими беглец. Это был безобидный на вид пикси не больше полуметра ростом. Впрочем, чтобы вести грузовик с контрабандной рыбой, высокий рост ни к чему. Крутые контрабандисты часто нанимают пикси в качестве водителей или курьеров, потому что эти миловидные создания выглядят невинными, как дети. Элфи видела досье этого пикси и знала, что характеристика «невинный» к нему относиться никак не может.

Штука Фарт уже больше ста лет зарабатывал тем, что доставлял контрабандный живой товар в подпольные рестораны. В кругах контрабандистов он был своего рода легендой. У Мульча благодаря темному прошлому остались кое-какие связи в преступном мире, и он смог предоставить Элфи весьма полезные сведения, которые не значились ни в каких полицейских рапортах. Например, один раз Штука меньше чем за шесть часов проехал по хорошо охраняемой трассе Атлантида – Гавань, не потеряв ни одной рыбы и цистерны.

Штука был арестован в глубоководной впадине в окрестностях Атлантиды, задержание произвел отряд водяных спрайтов Подземной полиции. Однако, когда его перевозили в суд, он сбежал. И вот теперь Элфи удалось его выследить. Награды за поимку Штуки Фарта хватило бы, чтобы заплатить за аренду офиса на шесть месяцев вперед. Табличка на двери офиса гласила: «Малой и Рытвинг. Частные детективы».

Штука Фарт вышел из гостиницы с таким видом, словно был глубоко разочарован жизнью и миром. Застегнув куртку, он направился на юг, то есть в торговый район. Элфи, опустив на лицо капюшон, двинулась за ним, отставая шагов на двадцать. Улица, где стояла гостиница, испокон веку была раем для мелких преступников и уличных хулиганов, но Совет вкладывал миллионы слитков в ее обновление. Спустя пять лет этот район окончательно распростится со славой гоблинского гетто. Огромные желтые комбайны пожирали старые тротуары, пережевывали их и укладывали новенькие, с иголочки, плиты. Спрайты из коммунальных служб снимали перегоревшие солнечные полосы с потолка туннеля и вешали вместо них новые молекулярные светильники.

Пикси двигался тем же маршрутом, которого придерживался в течение последних трех дней. Он вышел по улице на ближайшую площадь, купил в киоске коробку мышиного карри, после чего направился в кассу круглосуточного кинотеатра. Если он будет соблюдать обычный распорядок, то проведет в кино не менее восьми часов.

«И с этим ничего не поделаешь», – подумала Элфи. Надо закрыть дело до конца рабочего дня. Задача эта не из легких. Штука маленький, но шустрый. Задержать его без оружия и наручников почти невозможно. Почти невозможно, но у Элфи свои приемы.

Элфи купила билет у кассира-гнома и заняла место через два ряда позади пикси. В это время дня наплыва народу в кинотеатре не было. Кроме нее и пикси в зале сидело не больше пятидесяти зрителей. Многие из них даже не удосужились надеть специальные очки. Все они зашли сюда, просто чтобы скоротать время между обедом и ужином.

В театре нон-стопом крутили трилогию «Падение Тальтиу». Это была кинематографическая версия событий, связанных с битвой у холма Тальтиу. Именно после этой битвы люди вытеснили волшебный народец под землю. Последняя часть трилогии пару лет назад получила награду Подземной киноакадемии. Фильм отличался умопомрачительным спецэффектами, была выпущена даже интерактивная его версия, в которой зритель мог исполнить одну из второстепенных ролей.

Минут сорок Элфи наслаждалась захватывающими дух панорамными видами и неторопливо развивавшимися баталиями, потом вышла в проход и откинула капюшон. Если бы она служила в полиции, то просто подошла бы к пикси сзади и

приставила бы к его спине свой любимый «Нейтрино-3000», но гражданским лицам было запрещено носить какое-либо оружие, и приходилось прибегать к более изощренной стратегии.

Стоя в проходе, она окликнула пикси:

– Эй, ты ведь Штука Фарт, верно?

Штука вскочил с кресла, но выше не стал. Придав своему лицу самое свирепое выражение, на какое только был способен, он повернулся к Элфи.

– А кого это интересует?

– Полицию, – ответила Элфи.

При этом она, во-первых, ничуть не солгала, а во-вторых, с сугубо формальной точки зрения не нарушила закон, выдавая себя за офицера полиции.

Штука, прищурившись, вгляделся в ее лицо.

– Да я ж тебя знаю! Ты – та знаменитая эльфийка, которая подавила бунт гоблинов. Я видел тебя по телику. Но ты больше не служишь в полиции.

Сердце Элфи лихорадочно забилось. Как приятно было снова заниматься делом! Пусть не очень почетным, зато настоящим.

– Может, и так, но это не помешает мне арестовать тебя. Сдашься спокойно или предпочтешь немножко посопротивляться?

– Сдамся, чтобы провести несколько веков в тюряге Атлантиды? А ты сама-то как думаешь? – спросил Штука, падая на четвереньки.

И крошечный пикси помчался под креслами, как выпущенный из пращи камень.

Элфи, накинув капюшон, побежала к пожарному выходу. Она ничуть не сомневалась, что Штука направился именно туда. Он поступал так каждый день.

Любой уважающий себя преступник, попадая в здание, первым делом изучит пути отхода.

Штука добежал до двери раньше и вылетел из нее, как пес из будки. Элфи успела заметить только мелькнувший синий спортивный костюм.

– Объект уходит, – произнесла она, зная, что прикрепленный к шее микрофон передаст каждое ее слово. – Движется в твоем направлении.

«Надеюсь», – подумала она, но вслух не сказала.

Теоретически Штука должен был направиться в свое убежище – крошечную каморку на Хрустальной улице, в которой из обстановки была только скромная койка да кондиционер. Там-то его и поджидал Мульч. Так люди охотятся на птиц в высокой траве: один «поднимает» дичь, вспугнув ее, другой ждет в засаде. Охотники-люди обычно стреляют в птицу, чтобы потом съесть ее. Мульч использовал менее смертоносные, но не менее отвратительные методы.

Элфи старалась не отставать, но и не слишком нагонять контрабандиста. Она слышала топот крошечных ног пикси по устланному ковром полу кинотеатра, но не видела его самого. Было крайне важно, чтобы Штука поверил в то, что ему удалось уйти от погони, иначе он не рискнет сунуться в свое убежище. Если бы Элфи все еще служила в полиции, в преследовании не было бы необходимости – к ее услугам были бы установленные по всему городу пять тысяч камер наблюдения и другие хитроумные устройства из разведывательного арсенала Подземной полиции. Теперь оставалось рассчитывать только на себя и Мульча. Две пары глаз плюс гномьи способности.

Когда Элфи подбежала к выходу из кинотеатра, по холлу еще гуляло эхо от энергичного хлопка двери. Рядом с дверью в луже крапивного лимонада валялся на спине разгневанный гном.

– Ребенок, – говорил он билетеру. – Или пикси. Заметил только, что у него большая голова. Боднул меня прямо в живот, скотина.

Элфи обогнула гнома с билетером и выскочила наружу. Хотя, когда живешь в подземном лабиринте, в общем-то, куда ни выскакивай, всегда остаешься внутри. Солнечные полосы над площадью были отрегулированы на режим

позднего утра. Куда направлялся Штука, понять было нетрудно – удирая, он сеял на своем пути разруху и хаос. Торговавший мышиным карри киоск был опрокинут, застывшие куски серо-зеленого лакомства валялись на тротуарных плитах. И такие же серо-зеленые следы вели к северному углу площади. Хорошо. Пока что Штука действовал в точности так, как предвидела Элфи. Не спуская глаз со следов пикси, она стала проталкиваться через возмущенную толпу любителей карри.

– Две минуты, – произнесла она, чтобы предупредить Мульча.

Ответа не последовало. Впрочем, в этом не было ничего странного, если гном уже занял позицию.

Штука должен был свернуть в служебный переулок, позволяющий срезать путь к Хрустальной улице. В следующий раз, решила Элфи, надо будет взяться за розыск гнома. Пикси слишком быстро бегают. Совет волшебного народца не жаловал частных детективов, занимавшихся поиском сбежавших преступников, и старался максимально усложнить им жизнь. Если ты не служишь в полиции, можешь и не мечтать получить разрешение на ношение оружия. Любой, у кого было оружие, но не было значка, очень быстро оказывался за решеткой.

Элфи свернула за угол, ожидая увидеть исчезающего за следующим поворотом пикси. Вместо этого она увидела десятитонный строительный комбайн, надвигающийся прямо на нее. Очевидно, Штука Фарт перестал поступать предсказуемо.

– Д’арвит, – выругалась Элфи, отскакивая в сторону.

Передний ротор комбайна перемалывал старое покрытие площади, а из кормы на мостовую ложились новые, подогнанные с точностью до сантиметра, плиты.

Элфи пригнулась и машинально протянула руку к бластеру «Нейтрино», который еще совсем недавно всегда лежал в ее поясной кобуре. Но сейчас кобуры при ней, разумеется, не было.

Комбайн разворачивался для следующего захода, раскачиваясь и шипя, как механический хищник из юрского периода. Глухо стучали огромные поршни, серповидные лезвия ротора вгрызались во все, что попадалось у них на пути.

Осколки направлялись в горячее нутро машины, где измельчались, плавились и формовались раскаленными прессами.

«Немного напоминает Мульча», – подумала Элфи. Странные мысли иногда приходят в голову, когда тебя пытаются убить.

Она попятилась от комбайна. Да, он был огромным, но медлительным и неповоротливым. Элфи подняла взгляд и увидела в кабине сноровисто орудующего рычагами Штуку. Его пальцы порхали по приборной панели, направляя металлического бегемота на Элфи.

Вокруг царил жуткий хаос. Кричали покупатели, завывали аварийные сирены. Но Элфи было не до того – в первую очередь нужно было остаться в живых. Обычному подземному жителю ни за что бы не уцелеть в такой переделке, но Элфи была хорошо обучена и много лет служила в полиции. Ей удавалось вырываться из лап и более ловких и проворных врагов, чем этот уличный комбайн.

Однако на этот раз Элфи просчиталась. Сам комбайн двигался медленно, но некоторые его детали перемещались с быстротой молнии. Например, защитные лопатки, представляющие собой две трехметровые стальные стены, расположенные по обе стороны от переднего ротора, которые не давали обломкам разлетаться.

Штука, прирожденный водитель, умевший найти общий язык с любым механизмом, не мог не воспользоваться такой возможностью. Он отключил систему безопасности и привел в действие лопатки. Четыре пневматических насоса мгновенно повысили давление в системе и буквально вонзили лопатки в стену по обе стороны от Элфи. Острые кромки лопаток вошли в камень сантиметров на пятнадцать.

Элфи почувствовала, как ее уверенность в собственных силах ухнула вниз, оставшись где-то на уровне плинтуса. Эльфийка попала в ловушку, а сотня изогнутых стальных лезвий грызла землю у ее ног.

– Крылья, – пробормотала Элфи, но крылья были только у ее полицейского костюма, а она лишилась права носить его.

Лопатки сдерживали создаваемый ротором вихрь, направляя его в сторону самого ротора. Вибрация была ужасающей, аж зубы ломило. Элфи понимала, что на этот раз влипла всерьез. Словно весь мир был против нее. Лезвия жадно пожирали тротуар, подбираясь к ее ногам. Элфи попыталась взобраться по левой лопатке, но та была покрыта толстым слоем смазки. С противоположной лопаткой повезло ничуть не больше. Единственный путь отступления находился прямо впереди, но им едва ли можно было воспользоваться, пока вращался смертоносный ротор.

Элфи закричала на Штуку, возможно, ей даже удалось сказать нечто связное. Уверенности в этом у нее не было из-за страшного шума и тряски. Лезвия рассекали воздух, пытались дотянуться до нее. С каждым оборотом они выхватывали полоску земли из-под ее ног. Еще немного, и Элфи уже не на чем будет стоять. Скоро она станет пищей для комбайна. Комбайн ее перемелет, пропустит через свои внутренности и уложит на землю в виде тротуарной плитки. И тогда Элфи Малой воистину станет частью города.

Выхода не было. Никакого. Мульч находился слишком далеко, чтобы прийти на помощь, а кто-то из прохожих вряд ли отважится вскарабкаться в кабину взбесившегося комбайна, даже если каким-то чудом догадается, что в ловушке между двумя трехметровыми лопатками зажата беспомощная эльфийка.

Лезвия были совсем близко, и Элфи подняла взгляд на иллюзорное, созданное компьютерами небо. Как хорошо было бы умереть на поверхности! Почувствовать кожей тепло настоящих солнечных лучей… Как хорошо…

И вдруг ротор остановился. Элфи осыпало градом недопереваренных обломков из желудка комбайна. Несколько острых осколков оцарапали ей кожу, но более серьезных травм она не получила.

Элфи стерла грязь с лица и посмотрела наверх. В ушах еще звенело от грохота двигателя, глаза слезились от пыли, чем-то похожей на грязный снег.

Штука выглянул из кабины. Лицо его было бледным, но свирепым.

– Оставь меня в покое! – закричал он. Его писклявый голос доносился до Элфи будто издалека – должно быть, ее барабанные перепонки были не в порядке. – Оставь меня в покое, слышишь!

И он исчез, спустившись по лестнице из кабины. Возможно, побежал в свое убежище.

Элфи прислонилась к лопатке и попыталась успокоиться. Крошечные синие искорки магии замерцали на многочисленных порезах и царапинах. В ушах что-то щелкнуло, потом зазвенело – магия восстанавливала барабанные перепонки. Через несколько секунд к Элфи вернулся нормальный слух.

Пора выбираться. И у нее был только один выход. Через ротор. Рядом с лезвиями. Элфи осторожно коснулась одного из них кончиками пальцев. Капелька крови появилась из крошечного разреза и мгновенно исчезла, вспыхнув синей искоркой магии. Стоит оступиться, и эти лезвия изрежут ее на кровавые тряпочки, и во всем мире не хватит магии, чтобы собрать воедино тело Элфи Малой. Но выбраться из ловушки можно было только через ротор. Нет, конечно, был и другой вариант: остаться здесь и ждать приезда дорожной полиции. Нанесение такого ущерба было достаточно серьезным проступком даже для офицера полиции, защищенного страховым полисом гражданской ответственности, а ее, как частное лицо, вероятно, бросят в тюрьму, пока суд не решит, какие обвинения можно предъявить.

Элфи просунула пальцы между лезвиями и схватилась за первый стержень ротора. Нужно было действовать так, словно поднимаешься по лестнице. С очень острыми, смертоносными ступеньками. Она поставила ногу на нижний стержень и перенесла на нее вес тела. Ротор заскрипел и опустился сантиметров на пятнадцать. Элфи еще крепче вцепилась в стержень, потому что разжать пальцы было бы ее последней ошибкой. Лопасти дрожали буквально в паре сантиметров от ее тела. Медленно и уверенно, никаких лишних движений…

Она поднималась по ротору, переступая со стержня на стержень. Пару раз лезвия царапали кожу, но раны были несерьезными, и синие искорки почти мгновенно их заживляли. Через несколько секунд полной сосредоточенности, показавшихся ей маленькой вечностью, Элфи оказалась на капоте. Он был грязным и горячим, но, по крайней мере, не острее языка кентавра.

– Он побежал туда, – донесся с земли чей-то голос.

Элфи опустила глаза и увидела большого хмурого гнома в форме коммунального работника, который махнул рукой в сторону Хрустальной улицы.

– Он побежал туда, – повторил гном. – Пикси, который выбросил меня из кабины комбайна.

Элфи недоверчиво уставилась на коренастого рабочего.

– Этот крошечный пикси выбросил тебя из кабины?

Гном едва не покраснел.

– Я уже выходил из нее, а он меня подтолкнул. – Он вдруг забыл о смущении. – Эй, тебя зовут Элпи… э-э, не помню, как дальше. Элпи Небольшой? Вот оно как… Настоящий герой-полицейский.

Элфи начала спускаться по лестнице кабины.

– Да, Элпи Небольшой. Это я.

Она спрыгнула на землю и тут же побежала, хрустя башмаками по камням раздробленного тротуара.

– Мульч, – сказала она. – Штука идет к тебе. Быть осторожен. Он гораздо опасней, чем мы думали.

Впрочем, сама она в этом сомневалась. У Штуки Фарта была возможность убить ее, но он ею не воспользовался. Из этого можно было сделать вывод, что маленький пикси не испытывал ни малейшего желания кого-нибудь убивать.

Трюк Штуки с комбайном вызвал переполох на площади. Дорожной полиции, офицеров которой часто называли «колесами», становилось все больше, а простых граждан – все меньше. Элфи насчитала по меньшей мере шесть огромных полицейских мотоциклов и две патрульные машины. Она шла, опустив голову, но вдруг один из офицеров спрыгнул с мотоцикла и схватил ее за плечо.

– Мисси, вы видели, что произошло?

Мисси? Элфи почувствовала почти непреодолимое желание сбросить руку со своего плеча и зашвырнуть офицера в ближайший мусоросборник. Но сейчас ей было бы совершенно не с руки отправиться за решетку. Были дела и поважнее.

– Офицер, хвала небесам, вы здесь! – прощебетала она тоненьким голоском. То есть еще более тоненьким, чем ее обычный голос. – Вон там, рядом с комбайном. Все залито кровью!

– Кровью! – восхищенно воскликнул «колесо». – Все?

– Абсолютно все!

Дорожный полицейский снял руку с плеча Элфи.

– Спасибо, мисси. Я обязательно во всем разберусь.

Он решительно зашагал к комбайну, но вдруг остановился и обернулся.

– Прошу прощения, мисси. – Судя по взгляду, он почти узнал ее, но не был уверен в этом. – Мы не знакомы?

Но эльфийка в куртке с капюшоном уже исчезла.

«Колесо» махнул на нее рукой и пошел осматривать окровавленную мостовую.

Элфи тем временем бежала к Хрустальной улице, хотя понимала, что торопиться вовсе не обязательно. Возможно, Штука не рискнул прятаться в своей берлоге, а если все же рискнул, то его уже задержал Мульч. В любом случае от Элфи ничего не зависело. Уже в который раз она пожалела о том, что лишилась поддержки Подземной полиции. Когда она служила в Разведывательном Корпусе, ей достаточно было отдать короткий приказ в микрофон шлема – и все выходы из района были бы перекрыты.

Перепрыгнув через кибердворника, она повернула на Хрустальную улицу. Это был узкий служебный проулок, выходящий на рыночную площадь, и находились здесь главным образом транспортные конторы. Остальные помещения сдавались под склады. Тут Элфи поджидал сюрприз: на тротуаре стоял Штука Фарт

собственной персоной и лихорадочно шарил по карманам в поисках электронного ключа – чипа доступа. Должно быть, что-то его задержало – например, он мог пережидать где-нибудь в укрытии, пока мимо проезжали «колеса». Как бы то ни было, Элфи предоставился еще один шанс задержать его.

Штука поднял взгляд на нее, и Элфи, не удержавшись, помахала ему рукой.

– Доброе утро, – сказала она.

Штука погрозил ей крошечным кулачком.

– Тебе что, больше нечем заняться? Ну провез я тайком несколько рыбешек, велика беда!..

Его вопрос глубоко ранил Элфи. Действительно, неужели это задержание – самое большее, что она может сделать для волшебного народца? Майор Крут был бы разочарован. Всего за несколько месяцев она скатилась от сверхсекретных операций на поверхности до погонь за рыбными контрабандистами в темных переулках. Как низко она пала…

Она показала Штуке свои руки.

– Я не хочу, чтобы ты пострадал, поэтому стой спокойно и не шевелись.

Штука насмешливо хмыкнул.

– Пострадал? От тебя? Это вряд ли.

– Нет, – сказала Элфи. – Не от меня. От него. – Она показала на кучку грязи у ног Штуки.

– От него? – переспросил Штука и посмотрел вниз, явно заподозрив неладное.

Его подозрения с лихвой подтвердились. Тротуар под ногами Штуки задрожал, и кучка грязи вдруг подпрыгнула.

– В чем дело? – спросил Штука.

Он, несомненно, отскочил бы в сторону, подальше от зловещей грязи, если бы успел. Но события стали развиваться слишком быстро.

Земля ушла у Штуки из-под ног. В буквальном смысле. Так, словно кто-то всосал ее в себя, отвратительно чавкая. В следующее мгновение устрашающего вида зубы взломали тротуар вокруг Штуки, и он, вслед за землей, провалился в гигантскую пасть. Гном, которому эта пасть принадлежала, выскочил из родной стихии, словно дельфин из воды, на реактивной струе газов не самого аппетитного происхождения. Зубы его почти сомкнулись, бережно сдавив шею контрабандиста.

Совершив этот изящный прыжок, Мульч Рытвинг – а это был именно он – скрылся в заранее прорытом им туннеле, увлекая за собой полупроглоченного пленника, так что наружу осталась торчать только голова незадачливого пикси. Следует отметить, что самоуверенности у Штуки после этого инцидента заметно поубавилось.

– Г-гном, – заикаясь пробормотал он. – Вот уж никогда не думал, что они водят дружбу с законом.

– А они и не водят… как правило, – отозвалась Элфи. – Но Мульч исключение. Думаю, ты не будешь возражать, если он не станет отвечать тебе лично, потому что в этом случае он может случайно откусить тебе голову.

Штука вдруг начал извиваться.

– Что он делает?

– Полагаю, облизывает тебя. Гномья слюна, как тебе наверняка известно, затвердевает при контакте с воздухом. И когда мой напарник откроет рот, ты окажешься плотно и надежно упакован, как цыпленок в яйце.

Мульч подмигнул Элфи. В данный момент для него это был единственный способ выразить свое торжество, но Элфи знала, что он еще несколько дней будет донимать ее, хвастаясь своими исключительными способностями: «Гномы умеют

рыть многокилометровые туннели. У любого гнома пониже спины есть личный реактивный двигатель. Гномы способны вырабатывать по два литра клейкой слюны в час. А ты что можешь? Что у тебя есть, кроме знаменитого лица, которое только мешает тебе работать тайно?»

Элфи подошла к самому краю ямы и заглянула вниз.

– Отлично, напарник. А теперь, будь так добр, выплюни беглеца.

Мульч был только рад услужить. Он выплюнул Штуку на мостовую, после чего выбрался из ямы и захлопнул пасть.

– Какая гадость! – простонал Штука, беспомощно извиваясь в плотном коконе гномьей слюны. – Ну и воняет же!

– Эй! – обиделся Мульч. – Ты сам виноват! Если бы ты снял каморку на более чистой улице…

– Да что ты говоришь, вонючка! Да, вонючка, ты все правильно расслышал.

Штука попытался сложить пальцы в особом жесте, которым пикси наводят на недругов порчу, но, к счастью, слюна уже успела затвердеть и у него ничего не вышло.

– Хватит! – прикрикнула Элфи. – Перестаньте, вы оба. У нас есть тридцать минут, чтобы доставить этого коротышку в полицию, прежде чем слюна начнет размягчаться.

Мульч взглянул поверх ее плеча туда, где Хрустальная улица выходила на площадь, и вдруг смертельно побледнел (так, что это было заметно даже под слоем грязи), и борода его стала дыбом.

– Знаешь, напарница, – сказал гном. – По-моему, нам не понадобятся эти тридцать минут.

Элфи отвернулась от задержанного. Пять или шесть эльфов блокировали выход из переулка. И хотя они были в штатском и без каких-либо знаков различия, что-

то выдавало в них сотрудников Корпуса при исполнении. Например, спецшлемы или то, как привычно эльфы держали оружие, способное разнести в пыль полгорода. Правда, к некоторому облегчению Элфи, никто пока не целился в нее или Мульча.

Один из эльфов шагнул вперед и поднял щиток своего шлема.

– Привет, Элфи, – сказал он, вернее, она. – А мы тебя все утро ищем. Как поживаешь?

У Элфи отлегло от сердца. Это была майор Виниайа, командир летного отделения, которая всегда поддерживала Элфи и Джулиуса Крута. Виниайа проложила путь в полицию многим эльфийкам. За пятьсот лет службы она совершила немало великих дел, от командования спасательной экспедицией на темную сторону Луны до внесения либеральных законопроектов в Совет волшебного народца. Кроме того, она была пилотом-инструктором Элфи в Полицейской академии.

– Отлично, майор.

Виниайа кивнула на окаменевший комок слюны.

– Все трудишься, как я вижу?

– Да. Это Штука Фарт, занимался контрабандой рыбы. Хорошая добыча.

Майор нахмурилась.

– Элфи, боюсь, тебе придется его отпустить. Нам предстоит охота на более крупную дичь.

Элфи поставила ногу Штуке на грудь. Ей претила мысль плясать под дудку Подземной полиции, пусть даже и в штатском.

– И что же это за дичь? – спросила она.

Виниайа нахмурилась, глубокая морщина пролегла у нее между бровями.

– Капитан, мы можем поговорить в машине. Обычные полицейские уже выехали.

Капитан? Неужели Виниайа обратилась к Элфи по званию? Да что здесь происходит? Если «обычные полицейские» выехали, кто тогда эти эльфы?

– У меня больше нет привычки безоговорочно верить полиции, майор, – покачала головой Элфи. – Если вы хотите, чтобы я ехала с вами, вам придется хотя бы намекнуть, зачем я вам понадобилась.

Виниайа вздохнула.

– Во-первых, капитан, мы – не полиция. По крайней мере, не та, в которой служила ты. Во-вторых, ты хочешь, чтобы я намекнула? Что ж, пожалуйста. Могу назвать тебе два слова. Рискнешь предположить, какие именно?

Элфи мгновенно все поняла, вернее, почувствовала.

– Артемис Фаул, – прошептала она.

– Правильно, – подтвердила Виниайа. – Артемис Фаул. Теперь ты и твой напарник готовы поехать с нами?

– Где ваша машина? – спросила Элфи.

Виниайа и ее таинственный отряд, похоже, имели хорошее финансовое обеспечение. У них было новейшее оружие, а транспортные средства не шли ни в какое сравнение с обычными машинами Подземной полиции. Буквально через несколько секунд после того, как Мульч и Элфи освободили Штуку от слюны (и тайком сунули ему в башмак миниатюрный маячок, чтобы потом без проблем разыскать контрабандиста), они уже сидели в удобных креслах длинного бронированного автомобиля. Нет, разумеется, никто не принуждал их ни к чему силой и не брал под арест, однако Элфи никак не могла избавиться от мысли о том, что если еще недавно она была хозяйкой собственной судьбы, то теперь с этим покончено.

Виниайа сняла шлем и тряхнула длинными серебристыми волосами. Элфи потрясенно уставилась на нее.

Майор улыбнулась.

– Нравится цвет? Мне надоело их красить.

– Нравится. Вам очень идет.

– Простите, что прерываю светскую беседу, – желчно встрял Мульч, – но кто вы такие? Готов поспорить на свой задний клапан, к Подземной полиции вы не имеете никакого отношения.

Виниайа повернулась к гному.

– Что ты знаешь о демонах?

Мульч открыл холодильник и, обнаружив там искусственного цыпленка и крапивное пиво, принялся в свое удовольствие выпивать и закусывать.

– О демонах? Немного. Самому встречаться не приходилось.

– А ты, Элфи? Помнишь, чему тебя учили?

Элфи была заинтригована. К чему клонит Виниайа? Может быть, это какая-то проверка? Придется вспомнить лекции по истории, которые читали в Полицейской академии…

– Гм, демоны… Восьмая ветвь волшебного народца. Десять тысяч лет тому назад, после битвы при Тальтиу, они отказались переселиться под землю, предпочтя вывести свой остров за пределы реального времени и жить в изоляции.

Виниайа кивнула.

– Очень хорошо. Итак, они собрали свой круг магов и наложили заклятие времени на остров Гибрас.

– Они исчезли с лица земли, – блеснул эрудицией Мульч. – С тех пор никто не видел ни одного демона.

– Не совсем так. На протяжении всех этих веков некоторые из них время от времени посещали Землю. Один появился совсем недавно. Догадайтесь, кто его встречал?

– Артемис Фаул! – хором выпалили Элфи и Мульч.

– Совершенно верно. Ему каким-то образом удалось то, что нам оказалось не по силам: в точности предсказать время и место появления демона. Точнее, время мы знали, но ошиблись с местом, промахнулись всего на несколько метров.

Элфи впервые за долгое время снова почувствовала вкус к жизни. Игра обещала быть весьма интересной, и она, Элфи Малой, снова была в числе ведущих игроков.

– А заснять Артемиса вам удалось?

– Не совсем, – загадочно произнесла Виниайа. – Если не возражаешь, об этом вам лучше расскажет специалист. Он на базе.

И она умолкла, всем своим видом давая понять, что больше говорить о деле не намерена. Лучшего способа вывести Элфи из себя нельзя было и придумать…

Но первым терпение потерял Мульч.

– А пока не приедем, нам что – вздремнуть прикажешь? Давай, Виниайа, говори, что задумал малыш Арти.

Однако Виниайа была не из тех, кого можно запросто «расколоть».

– Успокойтесь, мистер Рытвинг. Всему свое время. Попейте крапивного пивка или ключевой воды.

Майор достала две бутылки из холодильника и протянула одну гному.

Мульч изучил этикетку.

– «Дерье»? Нет, спасибо. Ты знаешь, откуда в ней пузырьки берутся?

На губах Виниайа мелькнуло некое подобие улыбки.

– Я всегда считала, что эта вода насыщается углекислом газом естественным путем.

– Да, я тоже так считал, пока меня не посадили в тюрьму и не отправили работать на завод «Дерье». Туда посылали всех до одного гномов из «Пучины». Нас заставили дать подписку о неразглашении.

Виниайа явно заинтересовалась.

– Ну-ка, ну-ка… И как же в воде появляются пузырьки?

Мульч постучал пальцем по носу.

– Извини, это сугубо конфиденциальная информация. Я подписку давал, говорю же. Могу только сказать, что для этого нужен большущий чан с водой и несколько гномов, которые на всю катушку задействуют свои… э-э… – он покосился на собственное могучее седалище, – природные способности.

Виниайа медленно поставила бутылку на стол, так осторожно, будто это была бомба неизвестной конструкции.

Элфи, удобно расположившись в кресле, слушала безответственный треп Мульча лишь краем уха. Ей не давала покоя одна мысль: почему майор Виниайа не ответила на первый вопрос гнома: «Кто вы такие?»

Через десять минут Элфи и Мульч узнали ответ.

– Добро пожаловать в штаб Восьмого отдела, – сказала Виниайа. – Прошу простить меня за некоторую напыщенность, но нам редко выпадает случай произвести впечатление.

«И что же тут такого впечатляющего?» – гадала Элфи. Они заехали в многоэтажный гараж в нескольких кварталах от Полис-Плаза. Удлиненный броневик, следуя указательным стрелкам, поднялся на последний, седьмой этаж, крышей которому служили каменные своды пещеры. Водитель остановил машину в самом труднодоступном и темном месте и заглушил двигатель.

Несколько секунд они молча сидели во влажной темноте, слушая, как падают капли воды со сталактитов.

– Здорово! – с наигранным восторгом воскликнул Мульч. – А я-то думал, вы все деньги истратили на тачку!

Виниайа улыбнулась:

– Подожди немного.

Водитель включил установленный на приборной доске сканер и обследовал окрестности, убеждаясь, что вокруг никого нет. Тогда он достал инфракрасный пульт дистанционного управления и направил его сквозь прозрачную крышу машины на каменный потолок пещеры над их головами.

– Скала с дистанционным управлением, – сухо заметил Мульч.

Верный себе, гном просто не мог удержаться, чтобы лишний раз не съехидничать.

Виниайа ничего не ответила – в этом не было необходимости, поскольку дальнейшие события и без того заставили Мульча замолчать. Машина стала стремительно возноситься к потолку (должно быть, под полом были спрятаны гидравлические подъемники). Скалы и не думали уступать дорогу. У Элфи перехватило дыхание – она привыкла считать, что при ударе металла о камень победителем всегда выходит камень. Хотя вряд ли Виниайа привезла их сюда только для того, чтобы расплющить в лепешку вместе с собой и своим отрядом.

Все эти мысли вихрем пронеслись у нее в голове за те полсекунды, которые понадобились броневику, чтобы взлететь к потолку. Еще немного – и их раздавит о скалу…

Но скала оказалась не монолитной. И даже совсем не твердой. Она была цифровой. Автомобиль прошел сквозь нее, не встретив ни малейших препятствий, и оказался в небольшом гараже, выдолбленном в толще камня.

– Голограмма, – прошептала Элфи.

Виниайа подмигнула Мульчу.

– Скала с дистанционным управлением.

С этими словами майор открыла заднюю дверь и вышла из машины. Воздух в гараже и ведущем из него коридоре был свежим, – очевидно, кондиционеры работали исправно.

– Все помещения штаба вырублены в скале, – начала экскурсию Виниайа. – Точнее, раньше тут была пещера естественного происхождения, нам пришлось только немного поработать лазерным резаком, чтобы подровнять стены. Возможно, вам покажется, что мы чересчур заигрались в шпионские игры, но существование Восьмого отдела должно оставаться тайной.

Миновав двери с фотоэлементами, Элфи и Мульч двинулись вслед за майором по вылизанному до блеска коридору. Через каждые несколько шагов были установлены камеры и датчики, и Элфи подумалось, что ее личность проверили не менее десятка раз, прежде чем они добрались до стальной двери в конце коридора.

Виниайа поднесла ладонь к блестящей пластине в центре двери – и погрузила ее прямо в металл.

– Текучий металл, – пояснила она. – Насыщенный нанодатчиками. Через эту дверь обманом не пройти: нанодатчики считывают всю информацию, начиная с отпечатков пальцев и заканчивая ДНК. Даже если отрезать мне руку и вставить ее сюда, все равно ничего не получится – датчики обнаружат отсутствие пульса.

Элфи сложила на груди руки.

– Столько паранойи в одном месте. Думаю, я знаю, кто у вас технический консультант…

Тут дверь скользнула в сторону, и догадка Элфи полностью подтвердилась.

– Жеребкинс! – выпалила она, едва сдерживаясь, чтобы не кинуться старому другу на шею.

Кентавр тепло обнял ее за плечи и в восторге забил задними копытами.

– Элфи! Как поживаешь?

– Работаю…

Жеребкинс нахмурился.

– По-моему, ты похудела.

– Поразительно, но ты – тоже, – рассмеявшись, сказала Элфи.

И в самом деле, с тех пор как они виделись в последний раз, Жеребкинс умудрился сбросить лишний вес, а его шкура теперь так и лоснилась.

Элфи провела рукой по лошадиному боку кентавра и задумчиво хмыкнула.

– Любопытно… Ты пользуешься кондиционером для шерсти и отказался от колпака из фольги. Неужели ты завел подружку?

Жеребкинс густо покраснел.

– Говорить пока рано, но я полон надежды.

Комната за дверью оказалась от пола до потолка забита новейшей электроникой. Приборы были смонтированы даже в полу и на потолке, включая

газовые экраны визуального наблюдения во всю стену и невероятно реалистичную имитацию неба над головой.

Жеребкинс явно гордился своими достижениями.

– У Восьмого отдела хороший бюджет. Я могу позволить себе приобретать только лучшее.

– А прежняя работа?

Кентавр нахмурился.

– Я пытался работать с Сулом, но ничего не вышло. Он только и знает, что разрушать все, созданное майором Крутом. Восьмой отдел вышел на меня на одной из воскресных встреч клуба знакомств. Они сделали мне предложение, от которого я не стал отказываться. Здесь мою гениальность наконец-то оценили по заслугам, да и зарплата существенно выше, чем в полиции.

Мульч, не теряя времени, тут же обыскал помещение на предмет съестного, не нашел ни крошки и рассвирепел.

– Нет чтоб потратить хоть немного из своего баснословного жалованья на мышиное карри! – ядовито прошипел он.

Жеребкинс выразительно оглядел заляпанного туннельной грязью гнома с ног до головы и надменно выгнул бровь.

– Нет, на мышиное карри – уволь. Зато у нас есть душевая. Ты знаешь, что такое душ, Рытвинг?

Борода Мульча ощетинилась.

– Да, знаю. А еще я могу узнать осла, если вижу его перед собой.

Элфи решительно встала между ними.

– Перестаньте, вы оба. Опять за старое, да? Лучше поберегите свои излюбленные придирки до тех пор, пока нам не объяснят, где мы и почему тут оказались.

Мульч заткнулся, однако не отказал себе в удовольствии еще немного позлить кентавра, плюхнувшись на диван кремового цвета. Элфи села рядом с гномом, но на некотором расстоянии.

Жеребкинс включил стенной экран, потом легонько коснулся его поверхности пальцами, выбирая нужную программу.

– Я просто в восторге от этих газовых экранов, – заявил он, сорвавшись на радостное ржание. – Электрические импульсы нагревают частицы до разной температуры, в результате чего газ меняет цвет и создает изображение. Конечно, все гораздо сложнее, и я упростил объяснение, чтобы было понятно и каторжнику.

– Я был полностью оправдан и восстановлен в правах! – вскинулся Мульч. – И тебе об этом прекрасно известно.

– С тебя были сняты обвинения, но сказать, что ты оправдан, было бы неправильно, – заметил Жеребкинс. – Существует разница между оправданием и снятием обвинений. Небольшая.

– Да, такая же, как между кентавром и ослом.

Элфи вздохнула. Все как в старые добрые времена.

Когда Жеребкинс работал техническим консультантом Подземной полиции, он обеспечивал ей поддержку при выполнении многих операций, а Мульч поневоле был вынужден им помогать. Со стороны совершенно не верилось, что кентавр и гном на самом деле добрые друзья. Элфи даже подозревала, что такими мелкими перебранками самцы любого вида выражают расположение друг к другу.

На экране появилось изображение демона в натуральную величину. У него были узкие глаза и увенчанные шипами уши.

Мульч подпрыгнул на диване.

– Д’арвит!

– Успокойся, – сказал Жеребкинс. – Изображение создано компьютером. Хотя, согласен, качество превосходное. – Кентавр увеличил картинку, и чудовище заполнило весь экран. – Взрослый демон-самец. После трансформации.

– После трансформации?

– Да, Элфи. Демоны взрослеют не так, как другие расы волшебного народца. Они весьма милы, пока не достигнут возраста полового созревания, после чего их тела подвергаются воздействию сильнейших и болезненных спазмов. Это и есть трансформация. В ходе ее демон закукливается, вокруг него образуется кокон, наполненный питательной слизью. Промучившись восемь-десять часов, они появляются из коконов как раз такими, какими мы и привыкли представлять демонов. А детстве они – бесенята, так их и называют. Но это не относится к демонам-колдунам, которые не проходят стадию трансформации. У них только развиваются магические способности. Я им не завидую. Вместо прыщей и резких изменений настроения у демона-колдуна, достигшего половой зрелости, возникают другие подростковые отклонения, например начинают вылетать молнии из пальцев. Это если ему еще повезет…

– А что вылетает, если не повезет? И что нам вообще за дело до этих демонов? – спросил Мульч в попытке докопаться до сути.

– Нам есть до них дело, потому что совсем недавно демон появился в Европе, и мы не смогли добраться до него первыми, – ответил кентавр.

– Это нам уже говорили, – вмешалась Элфи. – Демоны возвращаются с Гибраса?

– Возможно, Элфи. – Жеребкинс постучал пальцем по поверхности экрана, и изображение разделилось на несколько прямоугольников. В каждом появилось по маленькому демону. – В течение последних пяти веков демоны всего несколько раз появлялись в нашем мире, и всегда не более чем на мгновение. Последнее и к лучшему, поскольку по этой причине вершки не успели никого из них схватить. – Жеребкинс выделил четвертое изображение. – Вот этот экземпляр моему предшественнику удавалось удерживать в течение

двенадцати часов. Дело было в полнолуние, и у моего предшественника имелся серебряный медальон.

– Да, конечно, полная луна – это так романтично… – встрял Мульч.

Жеребкинс вздохнул.

– И чему тебя только в школе учили? Демоны – уникальны, между ними и прочими обитателями Земли лежит пропасть. Их остров Гибрас представляет собой огромный обломок Луны, упавший на Землю в триасовый период[1 - Триасовый геологический период начался 235 ± 10 миллионов лет назад и продолжался 50 миллионов лет. (Здесь и далее примеч. ред.)], когда Луна столкнулась с метеоритом. Благодаря сохранившейся наскальной живописи и компьютерному моделированию нам по крупицам удалось отчасти воссоздать картину катастрофы. Судя по тому, что нам удалось выяснить, этот обломок упал в поток магмы и, если можно так выразиться, приварился к земной поверхности. Демоны же являются потомками микроорганизмов, которые жили в лунном грунте. Их тело и разум до сих пор подвержены сильнейшему влиянию Луны – в полнолуние у них иногда даже появляется способность к левитации. Более того, именно этим влиянием объясняется то, что некоторые из демонов иногда проникают в наше измерение. Они вынуждены носить серебряные украшения, чтобы противостоять притяжению Луны. Серебро – самый надежный якорь, чтобы удержаться в своем времени и пространстве. Золото тоже подходит, но, используя золото, можно лишиться некоторых частей тела.

– Ну ладно, допустим, мы готовы принять на веру этот вздор о межпространственном лунном притяжении, – сказал Мульч тем небрежно-снисходительным тоном, которого Жеребкинс терпеть не мог. – Какое отношение это имеет к нам?

– Прямое, – рявкнул кентавр, распаляясь. – Ты хоть представляешь, что будет, если демон попадет в руки людей? Догадываешься, за кого они примутся потом со своими пробирками и микроскопами?

Пока он отдувался и возмущенно фыркал, Виниайа продолжила рассказ:

– Именно поэтому пятьсот лет тому назад Нан Бёрде, будучи председателем Совета, создала Восьмой отдел для наблюдения за деятельностью демонов. К

счастью, Бёрде обладала миллиардным состоянием и после смерти завещала его Восьмому отделу. Мы – очень малочисленное, подчиняющееся напрямую Совету подразделение Подземной полиции, но благодаря наследству Бёрде не жалуемся на недостаток средств и можем позволить себе самое лучшее оборудование и снаряжение. Со временем Восьмому отделу кроме основной задачи стали давать и иные поручения, слишком щекотливые, чтобы их можно было доверить обычным подразделениям полиции. Но приоритетным направлением по-прежнему является демонология. В течение пяти веков лучшие умы изучали древние тексты демонов, чтобы попытаться предсказать, когда и где появится очередной пришелец с Гиброса. Обычно наши расчеты точны, и мы способны контролировать ситуацию. Но двенадцать часов назад в Барселоне произошло непредвиденное.

– И что же это было? – Мульч впервые задал вполне разумный вопрос.

Жеребкинс открыл очередное окно на экране. Бо?льшая часть изображения представляла собой белое пятно.

– Вот что.

Мульч уставился на экран, картинно выпучив глаза.

– Очень маленькая вьюга? – предположил он.

Жеребкинс погрозил ему пальцем.

– Клянусь, если бы я сам не любил издеваться над другими, то выкинул бы тебя отсюда пинком под твой легковоспламеняющийся зад.

Мульч поблагодарил его за комплимент снисходительным кивком.

– Нет, это – не маленькая вьюга, – сказал кентавр. – Это сигнал белого поля. Кто-то заблокировал наши скопы.

Элфи кивнула. Скопами на жаргоне Подземной полиции назывались замаскированные системы слежения, установленные на спутниках связи.

– Похоже, внутри нашей маленькой вьюги происходило нечто из ряда вон выходящее – не зря же вершки бросились врассыпную от этого места.

На экране, вне белого пятна, люди в панике разбегались кто куда, автомобили заезжали на тротуар и врезались в стены.

– В некоторых программах человеческих новостей, – продолжал Жеребкинс, – сообщалось о том, что на несколько секунд посреди улицы буквально из ничего возникло невиданное существо, похожее на гигантского ящера. Фотографий, естественно, нет. Это событие не было для нас абсолютной неожиданностью. Я вычислил координаты возможного появления демона, но, по расчетам, точка выхода должна была находиться на три метра левее, поэтому именно там мы установили ПИС… простите, проектор искажения света. К сожалению, если время явления нам удалось предсказать в точности, то с пространственными координатами произошла небольшая нестыковка. А тот, кто находился внутри сферы помех, знал и точное место, и время.

– Значит, Артемис нас спас, – сказала Элфи.

– Спас нас? – не поняла Виниайа. – Каким образом?

– Если бы не эти помехи, изображения нашего приятеля-демона уже гуляли бы по всему Интернету. А ты утверждаешь, что внутри слепого пятна на всех снимках и записях находился именно Артемис.

Жеребкинс злорадно усмехнулся, явно очень довольный собственным хитроумием:

– Малыш Арти решил, что может перехитрить меня. Он знает, что Подземная полиция следит за каждым его шагом.

– Хотя дала обещание не делать этого, – напомнила Элфи.

Жеребкинс отмахнулся от ее замечания, будто от назойливой мухи, и продолжил:

– Поэтому Артемис послал своих двойников в Бразилию и Финляндию, но мы при помощи спутников установили слежку за всеми троими. Кстати, это вырвало солидный кус из моего бюджета.

Мульч застонал.

– Ох, сил нет, щас засну… Или меня стошнит… А может быть, и то и другое.

Виниайа сердито ударила кулаком по ладони.

– Все, этот гном мне надоел! Бросим его на несколько дней в камеру, пусть поучится себя вести.

– Вы не можете так поступить со мной! – запротестовал Мульч.

Виниайа зловеще улыбнулась, взгляд ее не сулил гному ничего хорошего.

– Могу. Ты даже не представляешь, какой властью обладает Восьмой отдел. Поэтому заткнись, иначе вскоре будешь выступать перед глухими стальными стенами и слушать в ответ лишь эхо!

Мульч изобразил пантомимой, как запирает рот на замок и выбрасывает ключ.

– Итак, мы знаем, что Артемис был в Барселоне, – продолжил Жеребкинс. – И мы знаем, что демон появился там. Артемис побывал в других возможных точках материализации, но там демоны не появлялись. Он каким-то образом замешан в этом деле.

– Это точно? – спросила Элфи.

– Да, и вот почему. – Жеребкинс постучал по экрану, увеличивая часть крыши «Каса Мила».

Элфи несколько секунд разглядывала изображение, но ничего особенного не заметила.

Жеребкинс снизошел до подсказки.

– Это – здание, построенное по проекту Гауди. Тебе нравится Гауди? Он создал несколько прекрасных мозаичных панно.

Элфи присмотрелась.

– О небо! – воскликнула она. – Не может быть!

– Еще как может! – рассмеялся Жеребкинс, увеличив мозаичное панно так, чтобы оно заполнило весь экран.

На панно были изображены две фигуры, выходящие из темной дыры посреди неба. В одной из фигур безошибочно узнавался демон, в другой, не менее безошибочно, – Артемис Фаул.

– Но это просто невозможно! – сказала Элфи. – Дому не меньше ста лет!

– Вся штука во времени, – ответил Жеребкинс. – Гибрас находится вне реального временно?го потока. Демон, сорвавшийся с острова, бороздит годы и века, словно отважный мореплаватель. Тот, что появился в Барселоне, очевидно, прихватил Артемиса с собой. Можно предположить, что они материализовались перед одним из художников Гауди или перед самим мастером.

Элфи побледнела.

– Ты хочешь сказать, что Артемис…

– Нет, сейчас Артемис дома, в собственной постели. Мы изменили орбиту спутника, чтобы не спускать с него глаз круглые сутки семь дней в неделю.

– Но… это его путешествие… Как такое возможно?

Жеребкинс промолчал, и слово взяла Виниайа.

– Отвечу я, потому что Жеребкинс не любит признаваться в этом. Мы не знаем, Элфи. Многие важные вопросы остались без ответа. Поэтому мы и пригласили тебя.

– Почему? Я ничего не знаю о демонах.

– Верно, – кивнула Виниайа, – но ты многое знаешь об Артемисе Фауле. По моим сведениям, ты поддерживаешь с ним связь.

Элфи пожала плечами.

– Ну, я не сказала бы, что мы…

Жеребкинс смущенно кашлянул и открыл звуковой файл.

«Привет, Артемис, – услышали все голос Элфи. – У меня возникла небольшая проблема, может быть, ты сумеешь мне помочь».

«Буду рад, Элфи, – раздался голос Артемиса. – Надеюсь, проблема окажется достаточно сложной».

«Я охочусь за одним пикси, но он очень хитер…»

Жеребкинс закрыл файл.

– Думаю, этого достаточно, чтобы утверждать, что вы с ним и впрямь поддерживаете связь.

Элфи глуповато улыбнулась – оставалось только надеяться, что никто не поинтересуется, каким образом у Артемиса оказалось устройство связи с волшебным народцем.

– Ладно, признаю, я иногда звоню ему. Чтобы знать, чем он занимается. Ради всеобщего блага.

Нас не интересуют причины, – сказала Виниайа. – Мы просто хотим, чтобы ты еще раз связалась с ним. Отправляйся на поверхность и узнай, как ему удается так точно предсказывать место и время появления демона. Судя по расчетам Жеребкинса, следующее пришествие должно состояться через шесть недель, и нам хотелось бы знать точное место.

Элфи не стала торопиться с ответом.

– В каком качестве я должна вступить в контакт с Артемисом?

– В качестве капитана полиции. В звании тебя восстановят, но числиться ты будешь, разумеется, в Восьмом отделе. И все, чем тебе предстоит здесь заниматься, будет строго засекречено.

– Предлагаете мне стать шпионкой?

– Верно, шпионкой. С высокой оплатой за сверхурочные и хорошей медицинской страховкой.

Элфи кивнула на Мульча.

– А что будет с моим партнером?

Гном вскочил на ноги:

– Я не хочу в шпионы! Слишком опасное это дело. Но… – он лукаво подмигнул Жеребкинсу, – я готов быть вашим консультантом. Хорошо оплачиваемым.

Виниайа нахмурилась.

– Мы не готовы выдать Рытвингу визу на поверхность…

Мульч пожал плечами.

– И не надо. Я, знаете ли, терпеть не могу выбираться наверх. Слишком близко к солнцу, а у меня очень чувствительная кожа.

– Но мы готовы компенсировать ему потерю заработка.

– Не знаю, хочу ли я снова надеть форму, – сказала Элфи. – Мне нравится работать с Мульчем.

– Давай считать время, которое понадобится тебе на эту операцию, испытательным сроком, – предложила Виниайа. – Сделай это для нас, а потом уже решай, хочешь ли и дальше работать с нами.

Элфи снова задумалась.

– Какого цвета форма?

Виниайа улыбнулась.

– Матовая черная.

– Хорошо, – сказала Элфи. – Договорились.

Жеребкинс обнял ее.

– Я знал, что ты согласишься! Ни минуты не сомневался. Я им сразу сказал: Элфи Малой не сможет отказаться от приключения!

Виниайа торжественно отдала честь.

– Добро пожаловать в нашу команду, капитан Малой. Жеребкинс закончит инструктаж и выдаст обмундирование. Надеюсь, контакт с объектом состоится при первой же возможности.

Элфи тоже отдала честь.

– Конечно, майор. Благодарю за доверие, майор.

– А теперь прошу меня извинить, – сказала Виниайа. – Мне предстоит разговор с пикси, которого нам удалось внедрить в гоблинские триады. Ему пришлось

полгода проходить в чешуйчатом комбинезоне, и бедняга начал сомневаться в собственной видовой принадлежности.

Виниайа повернулась, взмахнув гривой прекрасных серебристых волос, и вышла. Автоматические двери почти бесшумно закрылись за ней.

Жеребкинс кинулся к Элфи и заставил ее встать с дивана.

– Мне столько нужно тебе показать! – затараторил он. – Местные офицеры очень милы, вот только немного, знаешь ли, консервативны. Они, конечно, охают и ахают, однако никто не может оценить меня по достоинству так, как ты. Знаешь, у нас есть собственная посадочная площадка для шаттлов! А какая экипировка у разведчиков! Технические характеристики просто невероятные. Вот погоди, увидишь новый защитный костюм, сама поймешь. А шлем! Элфи, эта штука самоходная. Я установил под оболочку несколько мини-ускорителей. Летать он, конечно, не может, но может прыгнуть, куда прикажешь. Только настоящий гений мог создать такое потрясающее устройство!

Мульч закрыл уши ладонями.

– Узнаю старину Жеребкинса! Как всегда, скромен до неприличия.

Кентавр метнулся к нему и встал на дыбы. Казалось, еще немного – и копыто расплющит гному нос… Но Жеребкинс в последний момент замер.

– Рытвинг, если ты не прекратишь, я за себя не отвечаю, – предупредил он, не меняя позы. – Не забывай, я ведь наполовину животное.

Мульч осторожно отодвинул копыто подальше от своего лица.

– Ничего не могу с собой поделать, – жалобно произнес он. – Тут у вас все так напыщенно и официально!.. Я просто пытался немного разрядить обстановку…

Жеребкинс снова повернулся к своему драгоценному газовому экрану и вывел на него изображение острова Гибрас. По большей части оно представляло собой домыслы художника.

– Знаю, вы думаете, что я заигрался в шпионские игры и раздуваю анаконду из червя-вонючки. Но поверьте: где-то на этом острове живет ничего не подозревающий демон, которому предстоит, независимо от его желания, посетить Землю и тем самым доставить нам массу хлопот.

Элфи подошла ближе к экрану.

«Где-то сейчас этот ничего не подозревающий демон? – подумала она. – Догадывается ли он о том, что скоро ему придется против воли покинуть свое измерение и перенестись в другое?»

Как показали дальнейшие события, Элфи ошиблась по двум пунктам. Во-первых, демон, о котором шла речь, был не демоном, а еще бесенком. А во-вторых, упомянутый бесенок был совершенно не против предстоящего путешествия – он давно и страстно мечтал оказаться на Земле.

Глава 3

Номер первый

Остров Гибрас, Чистилище

Однажды Бесенку Номер Один приснилось, что он стал демоном. Во сне у него были острые кривые рога, грубая и прочная шкура, а когти стали такими острыми, что ими можно было освежевать вепря. Ему снилось, что другие демоны раболепно кланяются ему и тут же убегают в страхе, опасаясь, как бы он не разорвал их в припадке воинственности. Да, той ночью ему приснился чудесный сон… Но проснулся он все тем же бесенком. Хотя, строго говоря, видел он этот сон вовсе не ночью. Небо над Гибрасом всегда красное, как на рассвете.

Однако Номер Первый, сроду не видевший настоящих ночей, привык считать ночью то время, когда отдыхал.

Бесенок Номер Один наспех оделся и выбежал в коридор, чтобы осмотреть себя в зеркале: вдруг, пока он спал, с ним все-таки произошла трансформация? Увы, он ничуть не изменился. Все то же жалкое создание… Бесенок на все сто процентов.

– Гр-р, – зарычал он на свое изображение.

Но это не произвело ни малейшего впечатления даже на Номера Первого в зеркале. А тот, кто не может испугать себя, не напугает никого и годится только на то, чтобы перепеленывать бесенят-младенцев.

Впрочем, судя по отражению, кое-какие признаки большого будущего у Бесенка Номер Один имелись. Например, структура скелета у него была как у настоящего демона. А ростом он был аж с овцу. Если она сядет по-собачьи. Сквозь серую, как лунная пыль, кожу тут и там прорезались прочные чешуйки. Витиеватые кроваво-красные руны спиралью вились по груди, поднимались по шее на затылок и заканчивались на лбу. А еще Номер Первый гордился своими поразительно яркими оранжевыми зрачками и породистым волевым подбородком (то есть это он сам считал свой подбородок волевым; другие говорили, что у него просто прикус неправильный). У него были две руки, чуть длиннее, чем у человека десяти лет от роду, и две ноги – чуть короче, чем у упомянутого человека. По четыре пальца на руках и ногах. То есть с конечностями все было в порядке. Имелся еще хвост, скорее обрубок, идеально подходящий для рытья ям во время охоты на личинок. В общем, Номер Первый был типичным бесенком. Если не считать одной мелочи: он был самым старым бесенком на Гибрасе. Ему стукнуло аж четырнадцать лет. То есть не совсем «стукнуло». Трудно определить точный возраст на острове, где царит вечный рассвет. Колдуны называют рассвет часом силы. Вернее, называли, до того как сгинули в ледяной бездне космоса. Час силы. Круто, ничего не скажешь.

В коридор вышел демон Хэдли Шрайвлингтон Бассет. Тяжело топая по кафельному полу, он побрел в умывальную. Бассет был на шесть месяцев моложе Номера Первого, но тем не менее уже стал взрослым. У него были внушительные спиральные рога и раздвоенные… нет, уже расчетверенные! – заостренные уши. Хэдли очень гордился своей взрослой внешностью и не упускал случая позадаваться перед бесенятами. Вообще-то, демонам не

положено ночевать в общежитии бесенят, но Бассет не торопился переселяться отсюда.

– Привет, бесенок! – рявкнул он, звонко шлепнув Номера Первого полотенцем по заднице. – Ну что, взрослеть-то собираешься или как? Может, тебя нужно разозлить как следует?

Бесенку Номер Один было больно, но он не разозлился. Только разволновался. Он всегда волновался, по поводу и без. В этом была его главная проблема.

Надо менять тему, и быстро, понял он.

– Доброе утро, Бассет. Красивые уши.

– Я знаю, – сказал Хэдли, по очереди ощупывая их. – Уже четыре кончика, и, кажется, появляется пятый. У самого Аббота всего шесть кончиков на ушах.

Леон Аббот, герой Гибраса. Самопровозглашенный спаситель демонов.

Хэдли еще раз шлепнул Номера Первого полотенцем.

– Бесенок, ну зачем ты вообще смотришься в зеркало? Для тебя ведь это такая мука! Даже мне больно смотреть на тебя, стоящего перед зеркалом.

Он подбоченился, откинул голову и расхохотался. Очень эффектно. Он был похож на актера, репетирующего за кулисами номер.

– Э-э… Бассет… На тебе нет ни одного серебряного украшения, – осмелился заметить Номер Первый.

Шрайвлингтон Бассет подавился смехом, вместо раскатистого хохота из его глотки вырвалось сдавленное кряканье, и он помчался по коридору, потеряв всякий интерес к издевательствам. Как правило, Номер Первый не испытывал никакого удовольствия, пугая кого-либо до полусмерти. Он обычно никого и не пугал. Однако в случае с Бассетом поступился принципами. Для бесенят и демонов серебро – не просто дань моде. Отсутствие украшений грозило им гибелью, а то и хуже. Вечными муками. Правда, все это относилось только к тем,

кто находился рядом с кратером вулкана, но Бассет с перепугу об этом не вспомнил.

Номер Первый юркнул обратно в спальню старших бесенят, надеясь, что соседи по комнате все еще храпят. Увы, нет. Они уже протирали глаза и искали мишень для своих ежедневных насмешек, и такой мишенью, разумеется, был Номер Первый. Он был самым старым в спальне – никому еще не удавалось дожить до четырнадцати лет и не трансформироваться. Дошло до того, что его стали считать чем-то вроде непременной комнатной принадлежности. Когда он спал, его ноги торчали в проходе, а одеяло едва прикрывало спиральные лунные узоры на его груди.

– Эй, Коротышка, – окликнул его один из бесенят. – Может быть, ты сегодня трансформируешься, как считаешь? Или скорее у меня под мышками вырастут розовенькие цветочки?

– Завтра проверю твои подмышки, – сказал другой и захихикал.

Снова насмешки. На этот раз от пары двенадцатилетних бесенят, чьи мышцы раздулись настолько, словно задиры собирались трансформироваться нынче же утром, еще до начала занятий. Впрочем, они были правы. Самому Номеру Первому тоже больше верилось в появление розовых цветочков.

Коротышка было его обидным прозвищем. Бесенятам не положено иметь имена. Вот когда они трансформируются и превратятся в демонов – их нарекут, взяв имена из священных текстов. А до тех пор Номеру Первому предстояло оставаться Номером Первым. Или Коротышкой.

Он дружелюбно улыбнулся. Не стоило настраивать против себя соседей по спальне. Сегодня они были куда меньше его, но завтра могли стать очень большими.

– У меня уже мышцы так и прут, – объявил он, напрягая бицепсы. – Это должно случиться сегодня.

Его соседи по комнате не находили себе места, предвкушая, как не сегодня завтра навсегда покинут эти стены. Скоро они станут демонами, им предоставят приличное жилище, и любые запреты на Гибрасе перестанут для них

существовать.

– Что мы ненавидим? – выкрикнул один бесенок.

– Людей! – хором грянули остальные.

И они минуту-другую воинственно выли, обратив рыльца к потолку. Номер Первый присоединился к ним, но без воодушевления.

«Неправильно. Надо говорить не „что мы ненавидим“, – думал он, – а „кого“».

Впрочем, сейчас лучше было не заострять на этом внимание.

Школа бесенят

Иногда Номер Первый очень сожалел о том, что не знал своей матери. Это чувство считалось не подобающим демону, поэтому он держал его в тайне. Демоны рождаются равными и достигают чего-либо в жизни только благодаря своим когтям и клыкам. Как только самка откладывает яйцо, его помещают для созревания в обогащенную минералами грязь. Бесенята не знают своих родителей и считают семьей всех демонов.

Но иногда, когда ему становилось особенно горько и одиноко, Номер Первый по пути в школу с тоской смотрел на женскую половину лагеря и гадал, кто же произвел его на свет.

Была одна демонесса с таким же красноватым оттенком кожи, как у него, и добрым лицом. Она часто улыбалась ему из-за стены. Однажды Номер Первый понял, что она пытается высмотреть своего сына, и стал улыбаться ей в ответ. С тех пор они оба могли притворяться, что нашли друг друга.

Номер Первый никогда не испытывал чувства общности. Он отчаянно жаждал дожить до того времени, когда он, проснувшись, точно будет знать, что ждет его впереди. Такой день пока не наступил и вряд ли наступит, пока они все живут в Чистилище. Ничего не изменится. Не может измениться. Нет, не совсем так. Может сделаться еще хуже.

Школа бесенят представляла собой низкое каменное здание с плохой вентиляцией и почти без освещения. Идеальные условия для большинства бесенят. В зловонии и рядом с коптящим пламенем они почему-то чувствовали себя обиженными на всех и воинственными.

А Номер Первый тосковал по свету и свежему воздуху. Он был не таким, как все, своего рода совершенно новым румбом компаса. Или, наоборот, старым. Номеру Первому часто казалось, что он мог бы стать колдуном. С тех пор как племя демонов покинуло время, в нем ни разу не появлялось колдунов. Может быть, он станет первым? Может быть, именно поэтому ему все видится иначе, не так, как другим? Номер Первый попытался обсудить эту теорию с магистром Роули, но учитель только треснул его по ушной впадине и послал копать личинок.

Личинок он тоже не понимал. Почему нельзя питаться нормально приготовленной едой, хотя бы изредка? Что плохого в мягком тушеном мясе с добавлением щепотки специй? Почему бесенята с таким упоением пожирают пищу, пока та еще корчится?

Номер Первый, как всегда, пришел в школу последним. Остальные бесенята, около дюжины, слонялись по коридору и, вероятно, с наслаждением предвкушали еще один день: как они будут охотиться, сдирать шкуры, разделывать туши, а если повезет – то и трансформируются. Сам Номер Первый не испытывал особых надежд. Возможно, этот день станет его днем, но он в этом глубоко сомневался. Трансформационные спазмы вызывает жажда крови, а он никогда не испытывал ни малейшего стремления причинить боль живому существу. Он жалел даже кроликов, которых иногда ел (куда же денешься!), и по ночам ему снилось, что их маленькие пушистые души являются к нему с немым укором.

Магистр Роули сидел на своей скамье и точил изогнутый меч. Время от времени он отрубал от скамьи солидный кусок и довольно хрюкал. На столе перед ним лежали различные орудия для рубки, распиливания и резания. И конечно, одна-единственная книга. Экземпляр священного писания «Шпалеры леди

Хизерингтон Смит». Книги, которую Леон Аббот принес из старого мира. Книги, которая, по словам самого Аббота, спасла их всех.

Заточив похожий на серебряный полумесяц клинок, Роули стукнул эфесом по скамье.

– Сесть! – проревел он. – И побыстрее, вы, вонючие кроличьи какашки! А то у меня новый клинок и мне не терпится его испытать!

Бесенята поспешили занять свои места. Роули, конечно, не собирался никого из них зарубить, но вполне мог приласкать мечом плашмя. А с другой стороны, зарубить тоже мог – с него сталось бы…

Номер Первый протиснулся на свое место в конце четвертого ряда. «Постарайся выглядеть крутым, – приказал он себе. – Ухмыляйся, ты же бес!»

Роули глубоко вонзил клинок в деревянный брус, и меч звонко задрожал. У бесенят вырвался восхищенный вздох. А Номер Первый подумал только: «Показуха. Испортил хорошую скамью».

– Итак, подонки и свиньи, – сказал Роули. – Хотите стать демонами?

– Да, магистр Роули! – завизжали бесенята.

– Считаете, что вы этого заслуживаете?

– Да, магистр Роули!

Роули широко раскинул мускулистые руки, откинул зеленую голову и взревел:

– Я хочу услышать!

Бесенята заорали и затопали ногами, принялись молотить оружием по партам и друг другу по плечам. Номер Первый пытался по возможности не принимать участия в этом безобразии и одновременно изо всех сил делать вид, будто принимает. Сделать это было непросто.

Наконец Роули велел всем заткнуться.

– Так-так, посмотрим… Это утро для одних станет великим утром, а для других – лишь началом еще одного позорного дня охоты на личинок с самками. – Он многозначительно зыркнул на Номера Первого. – Но прежде чем заняться делом, немного покемарим.

Бесенята разочарованно застонали.

– Все верно, девчонки. Занимаемся историей. Никого не убиваем, никого не едим, занимаемся знаниями ради знаний. – Роули пожал широченными бугристыми плечами. – Лично я считаю это напрасной тратой времени, но я выполняю приказы.

– Именно так, магистр Роули, – донесся голос от двери. – Выполняешь приказы.

Голос принадлежал самому Леону Абботу, решившему, по своему обыкновению, ни с того ни с сего нагрянуть в школу. Бесенята тут же повскакивали с мест и окружили его, мечтая получить дружеский удар по уху или хотя бы прикоснуться к мечу героя.

Аббот некоторое время терпел всеобщее поклонение, потом разогнал бесенят. Отодвинув Роули, он занял учительское место и подождал, пока наступит тишина. Ждать пришлось недолго. Аббот производил ошеломляющее впечатление, даже если не знать о его прошлом. Он был почти пяти футов ростом, из его лба росли изогнутые бараньи рога. Крепчайшая чешуя темно-красного цвета покрывала всю верхнюю часть его туловища и лоб. Чешуя не только выглядела, но и была непробиваемой. Можно хоть весь день наносить удары топором по груди Аббота, а он и не почешется. Он часто развлекался на вечеринках тем, что предлагал любому желающему попытаться нанести ему рану.

Аббот скинул плащ из сыромятной кожи и шлепнул себя ладонью по груди.

– Ну, кто хочет попробовать?

Кое-кто из бесенят едва не трансформировался от возбуждения.

– Вставайте в очередь, дамочки, – сказал Роули, словно он по-прежнему был главным в классе.

Бесенята столпились у доски и принялись лупить Аббота кулаками, ногами и даже головами. Все удары отскакивали. Аббот, похоже, получал от этого огромное удовольствие.

«Идиоты, – думал Номер Первый. – Как будто не знают».

У него была своя теория относительно бронированной чешуи. Несколько лет назад он играл со сброшенной младенцем чешуйкой и увидел, что она состоит из нескольких слоев, которые делают ее практически неуязвимой для прямых ударов, в то время как если бить под углом и чем-то горячим…

– А ты не хочешь попробовать, Коротышка?

Язвительный хохот одноклассников прервал ход мысли Номера Первого.

До бесенка не сразу дошло, что Аббот не просто обратился лично к нему, но и использовал его школьное прозвище. Номер Первый аж передернулся от удивления.

– Да, сэр, прошу прощения. Что?

Аббот постучал по своей груди.

– Как ты думаешь, тебе удастся проткнуть самую толстую чешую на Гибрасе?

– Сомневаюсь, что она самая толстая, – сорвалось с языка Номера Первого, прежде чем он успел его прикусить.

– Ра-а-р-р!!! – взревел Аббот. – Ты хочешь оскорбить меня, мелюзга?

«Мелюзга» было куда обиднее, чем «Коротышка». Так обычно называли только что вылупившихся из яиц бесенят.

– Нет, конечно нет, господин Аббот. Я просто подумал, что у самых старых демонов на чешуйках могло образоваться больше слоев. Но ваши, вероятно, прочнее, потому что внутри нет отмерших слоев.

Аббот, прищурившись, посмотрел на Номера Первого.

– Судя по всему, ты много, слишком много знаешь о чешуе. Почему бы тебе не попробовать проткнуть мою?

Номер Первый попытался отшутиться.

– О, честно говоря, мне не кажется…

Но Аббот даже не улыбнулся.

– А мне кажется, Коротышка. Тащи сюда свой куцый хвост, пока я не разрешил господину Роули сделать то, о чем он уже давно мечтает.

Роули вытащил клинок из скамьи и подмигнул Номеру Первому. Подмигнул не по-дружески, не как приятелю, с которым у него общие секреты, а так, словно говорил: «Ну-ка, ну-ка… сейчас посмотрим, какого цвета твои потроха!»

Номер Первый неохотно поплелся к доске. Проходя мимо очага, Номер Первый приостановился на секунду, глядя на острые деревянные шампуры, торчащие из тлеющих углей. Если бы у него хватило мужества, он мог бы воспользоваться одним из них…

Аббот заметил его взгляд.

– Что? Думаешь, тебе поможет шампур? – Демон презрительно фыркнул. – Коротышка, меня один раз сбросили в кипящую лаву, и я, как видишь, жив-здоров. Возьми шампур. Делай что хочешь, я тебя не боюсь!

– Делай, что хочешь! – хором повторили одноклассники Номера Первого, но у него не возникло сомнений, кого они на самом деле поддерживают.

Номер Первый неохотно достал заостренную деревяшку из очага. Ручка была достаточно прочной, а вот кончик обуглился и покрылся пеплом. Бесенок легонько постучал шампуром по ноге, чтобы стряхнуть с него рыхлый пепел.

Аббот выхватил шампур у него из рук и поднял над головой.

– Так вот какое оружие ты выбрал! – насмешливо пророкотал он. – Коротышка, похоже, решил, что я – кролик!

Улюлюканье и насмешки лавиной обрушились на Номера Первого. Он наморщил лоб – у него начинала болеть голова. Она всегда начинала болеть в самый неподходящий момент.

– Вероятно, идея не слишком удачная, – произнес он. – Мне следовало бы просто ударить по вашему панцирю, подобно этим идиотам… я хотел сказать, моим одноклассникам.

– Нет-нет, – торопливо произнес Аббот, отдавая ему шампур. – Вперед, храбрая маленькая пчелка, вонзи в меня свое жало.

«Вонзи в меня свое жало», – передразнил Номер Первый вождя племени, но, конечно, не вслух. Он вообще предпочитал воображаемые битвы и перепалки.

– Сделаю все возможное, господин Аббот, – сказал он вслух.

– Сделаю все возможное, господин Аббот, – передразнил Аббот Номера Первого – естественно, вслух и очень громко.

Номер Первый почувствовал, как пот струится по обрубку хвоста. Его загнали в угол, и выхода нет. Куда ни кинь – всюду клин. Если у него ничего не получится, придется вытерпеть очередную порцию насмешек и, возможно, легкие телесные повреждения. Но если он победит – это будет куда хуже. Аббот постучал ему пальцем по макушке.

– Эй, Коротышка, шевелись! Бесенятам пора трансформироваться.

Номер Первый уставился на кончик шампура и полностью сконцентрировался на проблеме. Он прижал ладонь к груди Аббота. Потом плотно сжал пальцы вокруг рукоятки и стал вкручивать шампур в одну из чешуек.

Он вращал шампур медленно, сконцентрировав внимание на точке контакта. Чешуйка посерела от пепла, но оставалась целехонька. От острия шампура потянулась тонкая струйка едкого дыма.

Аббот, явно довольный собой, хихикнул.

– Хочешь подпалить школу, Коротышка? Пора вызывать пожарную команду?

Один из бесенят метнул в Номера Первого свой обед. Мерзкий комок жира, хрящей и костей шлепнул его по затылку и шмякнулся на пол.

Номер Первый не сдавался. Он стал вращать шампур между большим и указательным пальцами быстрее и быстрее – и вдруг почувствовал, что под шампуром появилось небольшое углубление.

И вдруг Бесенок Номер Один ощутил, как всем его естеством овладевает азарт. Он пытался сопротивляться, думать о последствиях, но ничего не мог с собой поделать. Он был на грани того, чтобы добиться умом того, чего другие идиоты не могли добиться мускулами. Конечно, его поколотят, и Аббот придумает какой-нибудь предлог, чтобы не признать его успеха, но Номер Первый будет знать, кто победил. И Аббот тоже.

Шампур воткнулся в панцирь совсем неглубоко. Номер Первый почувствовал, как чешуйка поддалась его нажиму буквально на один слой. Маленького бесенка охватило неведомое прежде чувство – торжество. Оно разгоралось все ярче, затмевая все остальное. Это было уже больше чем чувство. Оно превратилось в силу, которая восстановила давно забытые нервные цепи и высвободила древнюю энергию в его организме.

«Что происходит? – пытался понять Номер Первый. – Я должен остановиться? Я могу остановиться?»

«Да» и «нет» были ответами на эти вопросы. Да, он должен остановиться, и нет, остановиться он не мог. Сила растекалась по телу, его бросило в жар. Какие-то голоса зазвучали в голове. Номер Первый понял, что говорит что-то нараспев вместе с ними. Что говорит? Он не имел ни малейшего представления, но память его знала.

Странная сила стала пульсировать в пальцах Номера Первого в такт биению сердца, потом пульсация распространилась на шампур. Палочка превратилась в камень. Прямо на его глазах дерево преображалось в гранит. Каменный вирус распространялся по шампуру, как рябь по воде. В один миг весь шампур окаменел и стал постепенно расширяться в крошечном углублении на панцире Аббота.

Из-за этого на чешуйке появилась трещина длиной всего пару сантиметров. Аббот, как и все присутствовавшие, услышал треск. Вождь племени демонов опустил взгляд и мгновенно понял, что происходит.

– Магия, – прошипел он.

Слово сорвалось с губ Аббота против его воли. Резко взмахнув рукой, он отбросил шампур в очаг. Номер Первый уставился на свою дрожащую руку. Энергия все еще струилась из его пальцев, окружая ладонь легкой дымкой.

– Магия? – переспросил он. – Это значит, что я, возможно…

– Заткни свою глупую пасть, – оборвал его Аббот, запахивая плащ на груди. – Я имел в виду не настоящую магию, а надувательство. Ты вертел ручку шампура, пока она не треснула, а потом стал охать и ахать, словно действительно чего-то добился.

Номер Первый попытался отдернуть плащ Аббота.

– Но ваш панцирь?

Аббот еще плотнее запахнул плащ.

– А что случилось с моим панцирем? На нем ничего нет, даже пятнышка. Или ты мне не веришь?

Номер Первый вздохнул. В этом был весь Леон Аббот. Истина не имела для него значения.

– Верю, господин Аббот. Конечно верю.

– Судя по твоему наглому тону, не веришь. Хорошо, я тебе докажу. – Аббот распахнул плащ и продемонстрировал всем свой безупречный панцирь. На мгновение Номеру Первому показалось, что он заметил синюю искорку на том месте, где была трещина, но она быстро погасла. Синие искорки. Неужели магия?

Аббот постучал по груди бесенка негнущимся пальцем.

– Мы уже говорили об этом, Номер Первый. Я знаю, что ты считаешь себя колдуном. Но колдунов не существует, они исчезли, когда мы покинули время. Ты не колдун. Выброси из головы эти дурацкие мысли и сосредоточься на трансформации. Ты позоришь все наше племя.

Номер Один осмелился было возразить, но кто-то грубо схватил его за руку.

– Мерзкий слизняк! – закричал Роули, брызгая слюной ему в лицо. – Хотел обмануть вождя племени! Возвращайся на место! Я займусь тобой позже.

Номеру Первому ничего не оставалось, как вернуться за парту под язвительные насмешки одноклассников. А насмешки сыпались градом, причем некоторые сопровождались тумаками и всяческими метательными снарядами. Но Номеру Первому на этот раз не было никакого дела до издевательств – он по-прежнему смотрел на свою руку. Ту, что превратила дерево в камень. Неужели он действительно сделал это? Неужели он действительно колдун? А если так, то что это сулит ему, перемены к лучшему или беду?

Зубочистка, отскочив от его лба, упала на скамью. К ее острию прилип кусочек вонючего серого мяса. Номер Первый поднял взгляд и увидел ухмыляющегося Роули.

– Несколько недель пытался выковырять его из дупла. Кажется, вепрь. А теперь сосредоточься, Коротышка, господин Аббот попытается кое-чему тебя научить.

Да, конечно, урок истории. Поразительно, какую значительную роль в истории демонов отводил самому себе Леон Аббот. Судя по его рассказам, он в одиночку спас восьмой род, несмотря на козни колдунов.

Читая лекцию, Аббот разглядывал свои крючковатые когти. Любым из них он мог бы вспороть брюхо крупной свинье. Если верить Абботу, он пережил трансформацию в возрасте восьми лет, когда дрался с одной из обитавших на острове диких собак. Дескать, прямо во время схватки его ногти превратились в когти и он разодрал собаке бок.

Номер Первый всегда считал эту историю малоправдоподобной. Трансформация обычно длилась несколько часов, а то и дней, а Аббот убеждал всех, будто его трансформация была мгновенной. Какой вздор! Тем не менее все нормальные бесенята слушали его самовосхваления во все уши и упивались этими легендами.

– Из всех демонов, сражавшихся в последней битве при Тальтиу, – монотонно бубнил Аббот (он всегда бубнил на лекциях – наверное, думал, что так положено; по мнению же Номера Первого, таким кислым тоном можно было бы мариновать мясо), – в живых остался только я, Леон Аббот.

«Очень удобно, – думал Номер Первый. – Некому тебе возразить». Потом его посетила другая злорадная мысль: «Ты выглядишь на все свои преклонные годы, Леон. Слишком много бочонков топленого сала».

Когда на Номера Первого находило совсем уж дурное настроение, в мысленных перепалках он делался беспощаден.

Побочным эффектом от заклинаний, позволивших демонам покинуть реальное время, было замедление процессов старения. Когда колдуны подняли Гибрас над рекой времени, Аббот был еще очень молод, и заклинания в сочетании с хорошей наследственностью позволили ему и его непомерному самолюбию отлично сохраниться. Возможно, ему было около ста лет. Конечно, по нормальному летоисчислению. По времени Гибраса даже тысячелетие было почти не в счет, а уж пара веков могла промелькнуть в мгновение ока. Любой

бесенок мог одним прекрасным утром обнаружить, что организм его перестроился. Например, некоторое время назад все демоны и бесенята на Гибрасе проснулись с короткими хвостами вместо длинных и великолепных. Еще долго после этого на острове только и раздавалось, что грохот и ругань: грохот демоны издавали при падении, а ругань – когда пытались встать на ноги. Привыкнуть жить почти без хвостов оказалось нелегко.

– Вопреки тому, что в великой битве демоны показали себя самыми храбрыми и беспощадными бойцами в армии волшебного народца, – продолжал Аббот под одобрительные крики бесенят, – мы потерпели поражение. Этого бы не случилось, но наши трусливые союзники предали нас: эльфы отказывались сражаться, а гномы – рыть ловушки. Нам оставалось только прибегнуть к заклинанию и отступить, чтобы перегруппироваться и ждать удобного момента для реванша.

Снова воинственные крики, на этот раз сопровождаемые воинственным же топотом.

«Вечно одно и то же, – подумал Номер Первый. – Неужели мы должны это выслушивать? Бесенята ведут себя так, словно слышат этот рассказ впервые. Когда, наконец, один из них встанет и скажет: „Простите, это старо. Расскажите что-нибудь другое“»?

– Итак, мы покинули время. Здесь, на Гибрасе, мы копим силы и множимся. Сейчас в нашей армии больше пяти тысяч воинов – вполне достаточно, чтобы нанести поражение людям. Я знаю это наверняка, потому что я, Леон Аббот, побывал в мире и вернулся сюда.

О, это воистину был бриллиант среди рассказов Аббота. Если кто-нибудь и хотел усомниться в его правоте, то этот момент в истории Аббота отметал все возражения. Когда Гибрас перенесся в Чистилище, Аббота на нем не оказалось. По какой-то неведомой причине его забросило в далекое будущее большого мира, и только потом он очутился на Гибрасе. Он своими глазами видел военные лагеря людей. Что именно с ним там произошло – оставалось довольно туманно. По словам Аббота, он в одиночку сразил в жестоком бою где-то с полсотни человек, после чего таинственный демон-колдун помог ему попасть на Гибрас. Но прежде Аббот успел прихватить кое-что из мира людей.

Когда колдуны демонов загадочным образом исчезли, восьмая ветвь волшебного народца потеряла все знания о магии. Обычные демоны не обладали магическими способностями. Считалось, что все колдуны затерялись в космосе во время перемещения Гибраса с Земли в Чистилище. Но если верить Абботу, одному из них удалось остаться в живых. Этот колдун вошел в сговор с людьми и согласился помочь Абботу, только когда тот пригрозил причинить ему страшную боль.

Номер Один не очень-то верил в эту версию. Во-первых, потому, что она исходила от Аббота, а во-вторых, потому, что в ней колдуны снова, уже в который раз, изображались в дурном свете. Демоны словно забыли, что, если бы не колдуны, Гибрас захватили бы люди.

В тот день Бесенок Номер Один особенно остро чувствовал, как благодарны они должны быть колдунам. Он не хотел, чтобы память о них марал этот горластый хвастун. Не было ни дня, чтобы Номер Первый не молился о возвращении таинственного колдуна, который когда-то помог Абботу. А теперь, почувствовав магию в своей крови, он решил молиться еще усерднее.

– Во время великого исхода Луна заставила меня покинуть остров, – продолжал Аббот, прикрыв глаза, словно в полузабытьи. – Я был бессилен противостоять ее чарам. Я странствовал по времени и пространству, пока не очутился в совершенно изменившемся мире. Мире, который принадлежал людям. Они заковали меня в серебряные кандалы, они пытались сломить мой дух, но у них ничего не вышло. – Аббот втянул голову в массивные плечи и взревел: – Потому что я – настоящий демон! Мы никогда не сдаемся!

Надо ли говорить, что после этого заявления в классе снова задрожали стены от воплей обезумевших бесенят. Хотя, по мнению Номера Первого, весь спектакль Аббота не стоил и выеденного яйца, чтобы не сказать хуже.

Лозунг «Мы никогда не сдаемся» был самым замшелым в арсенале Аббота. Номер Первый потер виски, пытаясь унять головную боль. Он знал, что худшее еще впереди. Сначала книга, потом арбалет – если, конечно, Аббот не отступит от сценария. А с чего бы ему отступать? Он ни разу не разнообразил текст, с тех самых пор как вернулся из нового мира.

– И я стал сражаться! – завопил Аббот. – Я сбросил с себя оковы, родные скалы Гибраса призвали меня. Но прежде чем покинуть ненавистных людей, я с боем пробился к их алтарю и похитил две священные реликвии.

– Книгу и арбалет, – пробормотал Номер Первый, закатив оранжевые глаза.

– Скажите, что вы похитили?! – умоляли остальные бесенята, будто не знали.

– Книгу и арбалет! – провозгласил Леон Аббот, и названные предметы мгновенно, словно по волшебству, возникли из-под его плаща.

«Словно по волшебству, – мысленно повторил Номер Первый. – Нет, волшебство здесь ни при чем. Аббот не может быть колдуном, он ведь прошел трансформацию, а колдуны ее не проходят».

– Теперь мы знаем, что творится в головах у людей, – продолжал Аббот, размахивая книгой. – Знаем, каким оружием они сражаются, – добавил он, потрясая арбалетом.

«Ни на минуту не могу поверить ни единому его слову, – подумал Номер Первый. – Вернее, не поверил бы, если бы в Чистилище существовали минуты. Вот бы попасть на Землю и поговорить с последним колдуном! Нас стало бы двое, и я узнал бы, что произошло на самом деле, когда появился Аббот с его воплями».

– И вооруженные этими знаниями мы вернемся, когда падет проклятие времени, и захватим принадлежащие нам по праву земли!

– Когда? – заорали бесенята. – Когда?

– Скоро, – ответил Аббот. – Скоро. Людей на всех хватит. Мы растопчем их, как траву. Оторвем им головы, как одуванчики.

«Ох, только не это, – поморщился Номер Первый, – опять дурацкие сравнения».

Вполне возможно, Бесенок Номер Один был единственным существом на Гибрасе, которому было известно человеческое слово «сравнение». Произнеси он

его вслух, не миновать ему порки. А если бы другие бесенята узнали, что в его лексиконе есть и другие человеческие слова, такие как «холить» и «лелеять», его бы вообще вздернули. По иронии судьбы, он узнал эти слова, прочитав «Шпалеры леди Хизерингтон Смит», то есть книгу, считавшуюся учебником.

– Оторвем им головы! – заорал один бесенок, и скоро его крик подхватили остальные ученики.

– Да, оторвем им головы!.. – закричал Номер Первый без всякого воодушевления.

«А с чего бы мне желать людям зла? – недоумевал он. – Я ни разу в жизни не видел человека».

Бесенята вскочили на парты и стали подпрыгивать, скандируя:

– Оторвем им головы! Оторвем им головы!

Аббот и Роули поощряли это безумие, завывая и размахивая когтистыми лапами. Воздух стал тяжелым от тошнотворно-сладковатого запаха. Это был запах слизи – некоторые из бесенят входили в фазу спазмов. Возбуждение спровоцировало изменения в организме.

Номер Первый ничего не чувствовал. Даже боли. Он старался изо всех сил: плотно зажмурился, чтобы в голове повысилось давление, пытался думать о крови… Но его истинные чувства разрушали вымученные фантазии о кровавой резне.

«Бесполезно, – подумал он. – Я не такой демон».

Номер Первый перестал завывать, сел на скамью и опустил голову на руки. Притворяться не было смысла – еще один цикл изменений миновал его.

Но не других бесенят. Представление, устроенное Абботом, вызвало в их организмах прилив тестостерона и других телесных жидкостей, которые в свою очередь вызывали жажду крови. Один за другим бесенята начинали корчиться в спазмах трансформации. Из пор их кожи стала сочиться зеленоватая мерзость, сначала медленно, потом – пузырящимися потоками. Скоро все бесенята, кроме

одного, уже перешли в фазу спазмов. Вероятно, одновременная трансформация такого числа бесенят была своего рода рекордом. И Аббот, вне всякого сомнения, поставит его себе в заслугу.

Увидев хлеставшую из их тел жидкость, бесенята завыли еще отчаяннее, и чем громче становился их вой, тем быстрее текла жидкость. Номер Первый где-то слышал, что у людей превращение ребенка во взрослого длится несколько лет. Бесенятам хватало нескольких часов. И такая почти мгновенная метаморфоза не могла быть безболезненной.

Торжествующие крики сменились стонами боли, когда кости начали растягиваться, а рога – завиваться. Заляпанные зеленоватой мерзостью конечности удлинялись прямо на глазах. От сладковатой вони Номера Первого едва не стошнило.

Бесенята вокруг него попадали на пол. Несколько секунд они бились в конвульсиях, пока источаемая телами жидкость не застыла. Бесенята стали похожи на гигантских гусениц, плотно закутанных в коконы из быстро твердеющей слизи. В классе внезапно повисла тишина, которую нарушало только потрескивание высыхающей питательной жидкости и шипение пламени в каменном очаге.

Аббот просиял, его зубастая улыбка, казалось, разделила лицо надвое.

– Неплохой результат для одного утра, верно, Роули? – сказал он. – Это я заставил их всех трансформироваться!

Роули хрюкнул, соглашаясь с вождем, потом посмотрел на Номера Первого.

– За исключением Коротышки.

– Не может быть! – воскликнул Аббот, но тут же опомнился. – Да, конечно, за исключением Коротышки.

Роул и Аббот недобро уставились на Номера Первого.

– Я хочу трансформироваться, – сказал бесенок, рассматривая свои пальцы. Лоб у него горел. – Правда хочу. Но это ведь так гадко… Я просто не могу себя заставить. А еще эта слизь и прочая мерзость. При одной только мысли о том, что я буду весь покрыт этой дрянью, мне становится слегка дурно.

– Что становится? – с подозрением переспросил Роули.

Номер Один понял, что с учителем говорить нужно проще.

– Блевать мне хочется. Блевать.

– Ясно. – Роули с отвращением покачал головой. – Тебе от слизи блевать хочется? Что же ты за бесенок? Другие только и ждут этого момента.

Номер Первый глубоко вздохнул и впервые произнес то, что уже долго не давало ему покоя.

– Я не похож на других, – сказал он дрожащим голосом, едва не плача.

– Решил поплакать? – спросил Роули, выкатив глаза. – Леон, это уже слишком. Он сейчас расплачется, как самка. С меня довольно.

Аббот задумчиво почесал подбородок.

– Позволь мне попробовать.

Он запустил руку в карман плаща и тайком надел что-то на пальцы.

«О нет, – мысленно застонал Номер Первый. – Пожалуйста, только не Чушка!»

Аббот поднял закутанную в плащ руку. Над кожаным капюшоном появилась голова куклы. Голова эта представляла собой нелепый разрисованный шарик из глины, с низким лбом и грубыми чертами лица. Номер Первый глубоко сомневался в том, что люди действительно настолько безобразны, но демоны никогда не могли похвастаться великим мастерством в изображении кого бы то ни было. Аббот часто показывал Чушку бесенятам, у которых были трудности с трансформацией. Он полагал, что это наглядное пособие поможет им прийти в

нужное состояние. Не приходится и говорить, что Номеру Первому приходилось частенько общаться с этой куклой.

– Гр-р-р! – сказала кукла, а точнее, управлявший ею Аббот. – Гр-р-р, я – вершок Чушка!

– Привет, Чушка, – едва слышно произнес Номер Первый. – Как поживаешь?

В руке кукла держала крошечный деревянный меч.

– Не твое дело! А меня вот не колышет, как поживаешь ты, потому что я ненавижу весь волшебный народец! – произнес Аббот писклявым голосом. – Я выгнал вас из домов! А если вы попытаетесь вернуться, убью!

Аббот опустил куклу.

– Ну, что ты почувствовал?

«Я почувствовал, что племени нужен другой вождь», – подумал Номер Первый, но вслух сказал:

– Э-э… злость.

Аббот прищурился.

– Злость? Правда?

– Нет, – признался Номер Первый, заламывая руки. – Я ничего не почувствовал. Это же кукла! Я видел, как шевелятся ваши пальцы под плащом.

Аббот убрал Чушку в карман.

– Понятно. С меня хватит, Номер Первый. Ты никогда не заслужишь имени из книги.

После трансформации демонам присваивали имена из книги «Шпалеры леди Хизерингтон Смит». Оправдание приводилось такое: демоны, изучив язык людей да еще получив их имена, научатся думать, как люди, и тогда-то наверняка одолеют их. Аббот, возможно, ненавидел вершков, но это не означало, что он не мог ими восхищаться. Кроме того, Абботу было политически выгодно, чтобы каждый демон на Гибрасе носил имя, присвоенное вождем племени.

Роули схватил Номера Первого за ухо, поднял со скамьи и потащил в дальний угол класса. Там, прикрытая металлической решеткой, зияла вонючая яма с питательной грязью.

– Приступай к работе, Коротышка, – прорычал он. – Ты знаешь, что делать.

Бесенок Номер Один вздохнул. Он знал, что делать, знал куда лучше, чем хотелось бы. Не раз и не два ему приходилось выполнять эту мерзкую работу. Сняв со стены крюк на длинной рукоятке, он подцепил им решетку и отодвинул ее в сторону. Запах был противным, но бил в нос не так уж и сильно, потому что на поверхности грязи образовалась корочка. По ней, стуча лапками, словно когтями, ползали полчища жуков.

Убрав решетку, Номер Первый подошел к одному из валявшихся на полу одноклассников. Он не знал, к кому именно, потому что все они были окутаны коконами из отвердевшей слизи и лежали без движения. Только возле носа и рта вздувались и опадали пузырьки из более тонкой пленки, наполненные воздухом. По крайней мере, Номер Первый надеялся, что это был воздух. И что пузырьки были именно возле носа и рта.

Он наклонился, покатил кокон по полу и сбросил его в яму. Трансформирующийся бесенок, проломив корочку, погрузился в грязь, захватив с собой с дюжину жуков. Волна нестерпимой вони обдала Номера Первого с головы до ног. Он знал, что запах впитается в его кожу и не выветрится еще несколько дней. Другие даже гордились, что от них пахнет ямой, а Номер Первый считал это лишь еще одним позорным клеймом.

Работа была тяжелой. Не все трансформирующиеся бесенята лежали спокойно. Некоторые извивались внутри коконов, дважды острые когти разрывали зеленый кокон буквально в нескольких сантиметрах от кожи Номера Первого.

Он продолжал трудиться, громко постанывая от напряжения, в надежде на то, что Роули и Леон Аббот помогут. Тщетно. Демоны, склонившись над столом, внимательно изучали «Шпалеры леди Хизерингтон Смит».

Наконец Номер Первый сбросил в яму последнего одноклассника. Коконы погрузились в грязь, как куски мяса – в густой соус. Богатая питательными веществами мерзость ускоряла процесс трансформации, обеспечивая развитие организмов. Бесенок сел на каменный пол, чтобы отдышаться.

«Счастливчики, – думал он. – Вас бросили в дерьмо».

Номер Первый пытался почувствовать зависть. Но ему было тошно даже находиться рядом с ямой, а от одной мысли о том, чтобы самому плавать в ней в окружении других коконов, его едва не выворачивало наизнанку.

На каменные плиты пола рядом с ним упала тень. Пламя в очаге разгорелось, и тень подрагивала.

– А, Номер Первый, – сказал Аббот. – Вечный бес. Никогда тебе не стать демоном. Что мне с тобой делать?

Номер Первый уставился на свои ступни и стал стучать по полу младенческими когтями.

– Господин Аббот, сэр… как вы думаете… неужели у меня нет ни малейшего шанса? – Он глубоко вздохнул и поднял голову, чтобы посмотреть Абботу прямо в глаза. – Может быть, я все-таки колдун? Вы сами видели, что произошло с шампуром. Не хочу ставить вас в неловкое положение, но вы же видели.

Выражение лица Аббота мгновенно изменилось. Секунду назад он играл роль заботливого наставника, а теперь предстал в истинном свете.

– Я ничего не видел! – прошептал он, поднимая Номера Первого за шкирку. – Ничего не произошло, слышишь ты, гнусная ошибка природы! Шампур был покрыт пеплом, и все. Не было никакого превращения. Не было никакой магии.

Аббот поднял Номера Первого так высоко, что бесенок мог разглядеть застрявшие между его желтыми зубами куски мяса. Когда вождь племени заговорил, голос его как-то странно изменился. Казалось, это был уже не один голос, а множество. Словно целый хор говорил в унисон. Такой голос невозможно было пропустить мимо ушей. Снова магия?

– Если ты действительно колдун, то должен быть по ту сторону, вместе со своим родичем. Так было бы лучше. Всего один прыжок, и все. Ты понимаешь, о чем я говорю, Коротышка.

Ошеломленный Номер Первый только кивнул. Какой замечательный голос! Откуда он взялся? По ту сторону… Конечно, именно там ему и место. Один маленький шаг для бесенка…

– Я понимаю, сэр.

– Хорошо. Хватит об этом. Как сказала бы леди Хизерингтон Смит: «Пришпорьте коня, юный рыцарь, мир ждет».

Номер Первый кивнул, потому что знал, что именно этого ждал от него Аббот. Но теперь у него выворачивало наизнанку не только желудок, но и мысли. Неужели он обречен на такую жизнь? Всегда быть посмешищем, всегда быть не таким, как все? Без малейшего просвета, без малейшей надежды… Если он не перейдет на ту сторону.

То, что предложил Аббот, было единственным шансом спастись от всего этого. Перейти. Номер Первый никогда не хотел спрыгнуть в кратер, но сейчас почувствовал почти непреодолимое желание сделать это. Он – колдун, нет никаких сомнений. И где-то там, в мире людей, есть тот, кто похож на него. Старший брат, который может передать ему наследие предков.

Номер Первый проводил взглядом уходившего прочь Аббота. Наверное, решил продемонстрировать свою власть в другой части острова или поиздеваться над самками, что было еще одним его любимым развлечением. Впрочем, возможно, Аббот не так уж плох? В конце концов, он подсказал Номеру Первому замечательную идею.

«Я не могу здесь оставаться, – подумал Номер Первый. – Я должен подняться на вулкан».

Решение окрепло в его мозгу. И буквально через несколько минут вытеснило все другие мысли из головы.

Поднимись на вулкан.

Эта мысль накатывалась на его мозг, как волны на берег.

Подчинись воле Аббота. Поднимись на вулкан.

– Знаете что, – пробормотал он так, чтобы его услышал Роули. – Думаю, мне нужно подняться на вулкан.

Глава 4

Бесплодная попытка

Театр Массимо Беллини, Катания, Восточная Сицилия

Артемис Фаул и его телохранитель, вольготно развалившись, сидели в креслах частной ложи слева от сцены знаменитого на весь мир сицилийского Театра Массимо Беллини. Впрочем, поза Дворецки только казалась вольготной и расслабленной – так тигр может показаться кому-то расслабленным за миг до того, как взовьется в прыжке.

Дворецки был еще более мрачен, чем в Барселоне. На подготовку к путешествию в Испанию у него, по крайней мере, было несколько дней, а на этот раз он едва не нарушил график занятий по боевым искусствам.

Как только «бентли» подъехал к родовому поместью Фаулов, Артемис скрылся в кабинете и уткнулся в свои компьютеры. Дворецки воспользовался передышкой, чтобы потренироваться, освежиться и приготовить ужин – тарталетки с луковым конфитюром, ребрышки ягненка под чесночным соусом и блинчики с бузиной на десерт.

Неприятную новость Артемис сообщил ему за кофе.

– Мы едем на Сицилию, – сказал он, гоняя по блюдцу бискотти[2 - Бискотти – очень твердое итальянское печенье с орехами.]. – Мне удалось наконец разобраться с временны?м заклинанием.

– Когда? – спросил телохранитель, мысленно составляя список своих знакомых на этом средиземноморском острове.

Артемис взглянул на свои наручные часы «Радо», и Дворецки застонал.

– Артемис, не смотри на часы, смотри на календарь!

– Прости, старина, но время поджимает. Я не могу позволить себе пропустить материализацию.

– Но в самолете ты сказал, что очередная материализация произойдет недель через шесть, не раньше.

– Я ошибся. Вернее, не я, а Жеребкинс. Он не включил несколько коэффициентов в темпоральное уравнение.

В самолете, когда они пролетали над Ла-Маншем, Артемис подробно рассказал Дворецки о восьмой ветви волшебного народца.

– Позволь показать наглядно. – Артемис поставил серебряную солонку на свою тарелку. – Предположим, что эта солонка – Гибрас. Он находится на моей

тарелке, то есть в нашем измерении. А хочет переместиться на твою тарелку, то есть в Чистилище. Пока понятно?

Дворецки сдержанно кивнул. Он знал по опыту, что чем больше он поймет из объяснений Артемиса, тем больше Артемис попытается впихнуть ему в голову. А в голове телохранителя для всяких там квантовых физик места было маловато.

– Итак, демоны-колдуны хотели переместить остров с тарелки А на тарелку Б, но не в пространстве, а во времени.

– Откуда ты все это знаешь?

– Все описано в Книге волшебного народца, – ответил молодой ирландец. – Достаточно подробно, хотя и несколько витиевато.

Книга была своего рода библией народца, в ней содержалась его история и заповеди. Несколько лет назад Артемису удалось приобрести экземпляр Книги у спившейся женщины-спрайта в городе Хошимин. Книга оказалась бесценным источником информации.

– Сомневаюсь, что в Книге приведены таблицы и графики, – заметил Дворецки.

Артемис улыбнулся.

– Конечно нет. Но я узнал подробности у Жеребкинса, правда, он не подозревал, что делится со мной информацией.

Дворецки устало потер виски.

– Артемис, я же просил тебя не играть с Жеребкинсом. Мало тебе двойников…

Артемис отлично знал, что Жеребкинс следит за ним и всеми его двойниками. На самом деле он разослал во все концы света двойников, только чтобы заставить Жеребкинса раскошелиться. Это была всего лишь дружеская шутка.

– Эту игру начал не я, а Жеребкинс, – возразил Артемис. – Только в своих компьютерах я обнаружил не меньше дюжины следящих устройств. Я лишь

перенаправил их, чтобы получить доступ к файлам общего доступа на компьютере нашего копытного друга. Ничего секретного, ну, за исключением некоторой информации. Жеребкинс многое успел сделать, с тех пор как уволился из Подземной полиции.

– И что тебе удалось узнать из файлов Жеребкинса? – спросил Дворецки, смирившись с судьбой.

Многое. В основном о магии. По существу, магия – это энергия и способность этой энергией управлять. Для перемещения Гибраса из пункта А в пункт Б демоны-колдуны обуздали энергию своего вулкана, чтобы создать провал или туннель во времени. – Артемис свернул салфетку в трубочку, вставил в нее солонку и, качнув салфеткой, перенес солонку на тарелку Дворецки.

– Так просто? – недоверчиво спросил телохранитель.

– Не так просто, как кажется, – ответил Артемис. – В действительности остается только восхищаться способностями колдунов, учитывая средства, имевшиеся в их распоряжении в то время. Им пришлось учесть в расчетах мощность вулкана, размеры острова, энергию каждого отдельного демона на нем, не говоря уже о притяжении Луны. Поразительно, что заклинание в целом сработало так, как было задумано.

– Но что-то все же пошло не так?

– Да. Насколько я понял из Книги, колдуны призвали на помощь природную силу вулкана, но его сила оказалась слишком велика. Они не смогли ею управлять, и магический круг оказался разорван. Гибрас и демоны были перенесены в нужную точку, а колдунов разбросало в пространстве.

Дворецки присвистнул.

– Ничего себе глюк!

– Это был не просто глюк. Заклинание ведь не должно было действовать вечно, но все колдуны-демоны погибли, поэтому племя застряло в Чистилище, под властью чар. И не осталось ни одного колдуна, чтобы их освободить.

– А Жеребкинс не может до них добраться?

– Нет. Воссоздать ситуацию в точности практически невозможно. Миссия невыполнима. Представь себе такую задачку: тебе необходимо управлять полетом перышка во время песчаной бури и посадить его на определенную песчинку, причем ты не знаешь, где эта песчинка находится. Но даже если бы ты знал, это не помогло бы. Магией демонов могут управлять только демоны. Они намного могущественнее других колдунов.

– Сложно, – согласился Дворецки. – Тогда скажи, почему эти демоны стали возникать здесь и сейчас.

Артемис, погрозив пальцем, поправил его:

– Не здесь и не сейчас. Демоны всегда чувствовали притяжение к родному миру, с его комбинацией лунного и земного излучения. Но демон может попасть сюда только в том случае, если находится у самого жерла пространственно-временного туннеля, то есть возле кратера, и на нем нет пространственного якоря.

Дворецки коснулся пальцами своего браслета.

– Серебра.

– Именно. В наше время в связи с повсеместно возросшим уровнем излучения притяжение, которое испытывают демоны, стало намного сильнее и достигает критического уровня значительно чаще.

Дворецки изо всех сил пытался уследить за ходом мыслей Артемиса. Да, нелегко быть телохранителем гения…

– Артемис, я думал, мы не будем углубляться в детали.

Артемис пропустил его слова мимо ушей. Он явно не собирался останавливаться на середине лекции.

– Потерпи, старина. Я уже почти закончил. Итак, в наше время всплески энергии возникают значительно чаще, чем считает Жеребкинс.

Дворецки шутливо погрозил пальцем.

– Но ведь демонам ничего не угрожает, если они будут держаться подальше от кратера, верно?

Артемис тоже покачал указательным пальцем, только не с угрозой, а с торжеством.

– Да! – воскликнул он. – Это напрашивающийся вывод. Именно так и считает Жеребкинс. Но когда наш последний демон сбился с курса, я проверил уравнение в обратном порядке и пришел к выводу, что темпоральное заклинание постепенно разрушается. Туннель становится шире.

Артемис позволил салфетке чуть развернуться в его руке.

– Теперь зона захвата стала шире, как и зона выброса. Очень скоро демоны не смогут чувствовать себя в безопасности даже на Гибрасе.

Тогда Дворецки задал очевидный вопрос:

– И что произойдет, когда туннель разрушится окончательно?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Триасовый геологический период начался 235 ± 10 миллионов лет назад и продолжался 50 миллионов лет. (Здесь и далее примеч. ред.)

2

Бискотти – очень твердое итальянское печенье с орехами.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kolfer_yon/artemis-faul-zateryannyy-mir

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить